

Нѣсколько словъ объ архіепископѣ Иннокентіѣ Борисовѣ, по поводу новыхъ матеріаловъ для его біографіи ¹⁾.

Мн. гг. Императорская публичная бібліотека обогатилась въ недавнее время весьма цѣннымъ приобрѣтеніемъ: дѣйств. ст. сов. Н. Х. Палаузовъ принесъ въ даръ главному отечественному книгохранилищу часть посмертнаго собранія бумагъ знаменитѣйшаго изъ русскихъ архіепастырей настоящаго столѣтія, Иннокентія, архіепископа херсоно-таврическаго, — собранія, полученнаго имъ въ наслѣдство отъ покойнаго. Въ девяти весьма большихъ томахъ содержится около пяти тысячъ писемъ къ Иннокентію разныхъ лицъ, полученныхъ имъ на пространствѣ времени отъ 1828 по 1857 годъ включительно ²⁾.

Иннокентій—не чужой человѣкъ славянскому благотворительному обществу: между знаменитыми именами новѣйшей славянской исторіи ему принадлежитъ по всей справедливости одно изъ самыхъ видныхъ и почетныхъ мѣстъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ энергическихъ и даровитыхъ ревнителей славянскаго духовнаго единенія и взаимности. Близкій другъ Погодина, онъ былъ весь до мозга костей проникнутъ тѣми симпатіями къ славянству, которыя составляютъ жизненный нервъ и главный импульсъ всей дѣятельности нашего знаменитаго историка. Съ непрерывнымъ вниманіемъ,

¹⁾ Читано въ собраніи санктъ-петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества 17 ноября 1843 г.

²⁾ Это далеко не все письма, какія получены были Иннокентіемъ. Въ одномъ письмѣ онъ замѣчаетъ своему корреспонденту: «вы знаете, что я не берегу писемъ». Рус. Старина т. XXIII (1879 г.), стр. 368.

виѣстѣ съ своимъ московскимъ другомъ, слѣдилъ онъ за всеми перипетіями и сколько-нибудь выдающимися явленіями въ гражданской и умственной жизни нашихъ западныхъ и южныхъ соплеменниковъ, раздѣляя все чаянія и мечтанія своего друга въ этомъ направленіи. Другой изъ ученыхъ друзей Иннокентія О. М. Бодянской сообщалъ ему результаты своихъ сношеній съ учеными славистами равно какъ плоды своихъ собственныхъ работъ въ области славистики ¹⁾. Со времени назначенія Иннокентія на одесскую архіепископскую кафедру ему пришлось стать въ непосредственныя отношенія къ славянству въ качествѣ члена одесскаго болгарскаго настоятельства и практически немало принести пользы южнымъ славянамъ и своимъ ходатайствомъ за нихъ, и денежными средствами, и содѣйствіемъ къ сообщенію въ высшіе сферы свѣденій о ходѣ у нихъ умственнаго образованія и гражданственности, объ угнетеніяхъ и истязаніяхъ, ими претерпѣваемыхъ отъ враговъ Христа и славянства.

Оставляя сообщеніе подробныхъ свѣденій по этому предмету до полной біографіи Иннокентія, мною предпринятой, я въ настоящій разъ позволю себѣ лишь выразить тѣ общія впечатлѣнія, которыя производитъ изученіе этой колоссальной по объему корреспонденціи. Нельзя, конечно, не пожалѣть, что во всехъ этихъ письмахъ о дѣятельности Иннокентія и о предметахъ, занимавшихъ его умъ и энергію, говоритъ не самъ Иннокентій, а его безчислен-

¹⁾ Вотъ какъ между прочимъ Бодянской пишетъ объ отношеніяхъ Иннокентія къ славянству, въ письмѣ къ нему отъ 19 мая 1844 г. «Разныя заботы не позволяли мнѣ, къ крайнему сожалѣнію, по сію пору взяться за перо для новой бесѣды съ вами о дѣлѣ, равно любезномъ намъ обоимъ, нашемъ безцѣльномъ славянствѣ. Я отъ всей глубины души своей повторяю и не перестану повторять словъ вашего преосвященства, которыми такъ прекрасно и точно выразили вы дѣйствительно существующее сходство въ нынѣшнемъ и прежнемъ положеніи нашихъ соплеменниковъ съ судьбою народа Божія въ Египтѣ: слико удручаю ихъ, толико множахуся. Да пошлетъ Господь и имя Моисея! Тогда была бы пасха по истинѣ всеславянскія! О да пошлетъ, да пошлетъ имя помазанника Своего! Да не вслушаетъ долготерпѣнія раба своего Іова... УШ. 162.

ные корреспонденты; но за всёъ тѣмъ объ этихъ письмахъ до нѣкоторой степени будетъ вполне справедливо сказать тоже, что нѣкогда говорили о письмахъ Цицерона: *quas qui legat, non multum desideret historiam contextam eorum temporum*. Прежде всего по этимъ письмамъ личность Иннокентія, въ своемъ нравственномъ достоинствѣ, вырастаетъ до громаднхъ размѣровъ, открываются новыя, доселѣ неизвѣстныя сферы его вліянія въ теченіе болѣе двадцатилѣтія на современную ему жизнь Россіи не только церковно-общественную, но и на государственную; возстаетъ предъ нами наглядная картина самой этой жизни, прежде всего—религіозной, но за тѣмъ—и общественной; во всей полнотѣ открывается тотъ энтузіазмъ въ русскомъ обществѣ и правительственныхъ сферахъ, какой возбуждали его дѣятельность, его личность, его умъ. Я не говорю уже о массѣ совершенно новыхъ фактовъ изъ его личной біографіи и изъ исторіи его времени, о которыхъ въ первые узнаемъ изъ этихъ писемъ, долженствующихъ имѣть особую цѣву въ глазахъ его біографа и историка его времени въ виду того, что Иннокентій, какъ личность, доселѣ у насъ не только не изображенъ со всею полнотою и рельефностію, но и не опредѣленъ вѣрно: знаютъ у насъ его какъ знаменитаго проповѣдника, отчасти какъ ученаго; все прочее въ его жизни, что въ его біографіи имѣетъ значеніе отнюдь не второстепенное, доселѣ не обращало на себя вниманія его панегиристовъ (говорю *панегиристовъ*, потому что пока у него не было простыхъ біографовъ) и остается доселѣ невѣдомымъ русскому обществу.

Въ настоящемъ чтеніи я буду имѣть честь предложить на основаніи тѣхъ новыхъ данныхъ, какія содержатся въ изучаемой мною корреспонденціи нѣсколько замѣчаній 1) о значеніи Иннокентія въ исторіи русскаго духовнаго образованія; 2) о его дѣятельности проповѣднической; 3) о его занятіяхъ въ области археологіи и исторіи, и вообще о его научныхъ занятіяхъ; 4) о его отношеніяхъ къ современному ему обществу и 5) о характерѣ его, какъ іерарха.

I.

Въ продолженіе шестнадцати лѣтъ (1824—1840)—первыхъ лѣтъ его общественной дѣятельности -- Инокентій принадлежалъ наукѣ исключительно и безраздѣльно, сначала въ качествѣ профессора и инспектора с.-петербургской, потомъ профессора и ректора кievской духовныхъ академій. Поучительное зрѣлище представлялъ для окружавшей его среды этотъ молодой монахъ, — оставшійся до послѣднихъ дней своей жизни молодымъ, т. е. человѣкомъ съ всегда свѣжею мыслью и горячимъ чувствомъ, воспріимчивымъ и впечатлительнымъ ко всему прекрасному и благородному, — не знавшій другаго наслажденія, кромѣ умственного труда, другаго времяпровожденія, кромѣ научной и духовно-литературной дѣятельности, ни на одну минуту не отрывавшійся отъ бесѣды съ музами, постоянно занятый и окруженный книгами, старыми и новыми, усвоившій всякаго рода знанія. старыя и новыя, съ изумительною легкостію, съ творческою изобрѣтательностію воспроизводившій эти знанія то въ своихъ литературныхъ и научныхъ произведеніяхъ, то въ лекціяхъ и импровизаціяхъ предъ своими слушателями въ аудиторіи, всѣхъ и все въ академической жизни наполнявшій своею энергіею, во всѣхъ сѣмѣвшій поселить воодушевленіе и любовь къ наукѣ, и такимъ образомъ поднять ученость въ академіяхъ до небывалаго дотолѣ въ нихъ уровня. Извѣстно, что для каждой академической кафедрѣ, какъ и университетской, нуженъ особый специалистъ, къ ней нарочитымъ образомъ подготовленный, и рѣдко случается, чтобы профессоръ по одной кафедрѣ могъ съ полнымъ достоинствомъ преемственно или временно занимать другую кафедру, даже по предмету изъ однородной группы наукъ. Инокентій въ продолженіе своего шестнадцатилѣтняго профессорства послѣдовательно читалъ въ академіяхъ с.-петербургской и кievской богословія: основное (иначе „общее“, или по его терминологіи такъ называемую „религіозистику“), практическое (пастырское) и обличительное (иначе „сравнительное“), догматическое

(съ историческимъ изложеніемъ догматовъ), нравственное (христіанское ученіе о нравственности), экклезіастыку съ символикѣю (ученіе о церкви, ея началахъ внутренней жизни и исторіи ея символовъ) и, отчасти, церковное право, эзегетику и герменевтику. Въ исторіи образованія не только духовнаго, но и свѣтскаго, трудно найти другой подобный примѣръ, чтобы одно и тоже лицо профессорствовало на столькихъ кафедрахъ, на каждой изъ нихъ являясь въ равной степени подготовленнымъ и компетентнымъ. Это не былъ только диллентантизмъ въ наукѣ, но самая наука во всей своей спеціальности. Равнымъ образомъ Иннокентій не былъ труженникъ-компиляторъ, простой „сочинитель“. Нѣкоторыя науки (богословіе основное, практическое и обличительное) отъ него получили у насъ впервые самое свое опредѣленіе, программу и ея осуществленіе. Другія имъ были вполне своеобразно поставлены и совершенно самобытно разработаны. Къ сожалѣнію изъ этихъ лекцій его сохранилось весьма немногое, и то больше въ запискахъ лишь его слушателей, а не въ его собственномъ письменномъ изложеніи¹⁾: ему просто нѣкогда было самому записывать и составлять свои лекціи, ему не совладать было съ умственнымъ богатствомъ, кишѣвшимъ въ его головѣ. Но ректоръ Иннокентій былъ зиждатель и новаторъ въ академіи не только въ области образованія собственно богословскаго, но также и въ другой половинѣ академическаго курса, общеобразовательной, къ которой относятся философія, исторія, литература, филологія съ ихъ развѣтвленіями и

¹⁾ Въ весьма хорошей записи студентовъ сохранились его лекціи по богословію основному (или общему), обличительному или практическому (въ бібліотекѣ рукописей с-петербургской духовной академіи). Оны досель не издавы. Второй экземпляръ „Богословія общаго“ пишется въ бібліотекѣ рукописей П. И. Савваитова. Въ собраніи сочиненій Иннокентія, изд. Вольфомъ (1872—1877 гг.), напечатано нѣчто изъ его лекцій (томы X и XI) также по запискамъ студентовъ. Подробныя фактическія свѣденія о профессорской и ректорской дѣятельности Иннокентія содержатся въ многочисленныхъ „воспоминаніяхъ“ его учениковъ, напечатанныхъ въ «Вѣникъ» Погодина, а также разсыянныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Ссылки на эти статьи см. въ „Русской Старинѣ“ за 1879 годъ, въ статьѣ г. Востокова.

подраздѣленіями. И въ эту сферу онъ внесъ замѣчательное оживленіе, указывая для свѣтскихъ наукъ, преподававшихся въ академіи, новые методы, расширяя и обновляя программы, учреждая новыя кафедры, входя ближайшимъ и непосредственнымъ образомъ во всѣ частности, во весь строй академическаго преподаванія ¹⁾. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова *doctor universalis*: не было науки, въ которой онъ не былъ бы компетентнымъ судьей и руководителемъ. Его изумительная память съ удивительною легкостію воспринимала въ себя все богатство постоянно приобретаемыхъ новыхъ знаній не только въ области богословія, но и науки вообще, его творческій умъ съ такою же легкостію усваивалъ и перерабатывалъ эти знанія, комбинируя ихъ въ систему и классифицируя по соответственнымъ научнымъ группамъ; затѣмъ подъ влияніемъ ихъ въ его головѣ создавались новыя построенія научныхъ теорій, блиставшія своеобразными воззрѣніями и идеями. И вотъ на любой академической кафедрѣ онъ является одинаково компетентнымъ, и изъ устъ его всегда льется вполне самобытная вдохновенная рѣчь, блистающая и новизною воззрѣній и обиліемъ фактическихъ данныхъ ²⁾.

Такимъ образомъ еще прежде возведенія въ санъ епископскій Иннокентій былъ извѣстенъ всей Россіи, какъ первоклассный русскій богословъ, отличавшійся самобытностію въ постановкѣ науч-

¹⁾ Особенное вниманіе обращалъ онъ на студенческія сочиненія, семестровыя и писанныя на степень, самъ назначалъ темы для тѣхъ и другихъ. явивъ въ виду приготовить спеціалстовъ-ученыхъ по той или другой отрасли науки, многія изъ нихъ самъ перерабатывалъ и издавалъ (таковы напримѣръ извѣстные сочиненія: историческое обзорніе *Богослужебныхъ книгъ греко-россійской церкви*; явившее четыре изданія и бывшее учебникомъ въ духовныхъ училищахъ, и др.). Результатомъ его заботъ въ этомъ направленіи была цѣлая серія студенческихъ сочиненій, явившихся въ печати, и въ видѣ сборниковъ, и отдѣльно.

²⁾ Въ такомъ смыслѣ излагается исторія научной производительности ректорской и профессорской дѣятельности во всѣхъ извѣстныхъ въ печати воспоминаніяхъ его учениковъ. Въ собраніи бумагъ Иннокентія, имѣющемся въ нашемъ распоряженіи, къ сожалѣнію, находится очень и много свѣдѣній о его профессорской дѣятельности: болѣею частью эти бумаги относятся къ послѣдующему периоду его жизни.

ныхъ богословскихъ вопросовъ и въ методѣ ихъ изслѣдованія, какъ смѣлый и счастливый новаторъ въ этой сферѣ, сужившій порвать связи съ прежнимъ схоластическимъ строемъ духовнаго образованія въ Россіи, не только безъ ущерба для истины православія, но и къ его вящей славѣ и силѣ. Слушатели его сдѣлали извѣстными его лекціи въ безчисленныхъ спискахъ по всей Россіи. Наставники и ректоры духовныхъ семинарій, сами архіереи считали своею обязанностию обзавестись списками этихъ лекцій и изъ нихъ почерпали содержаніе и направленіе для своего преподаванія и для своей проповѣднической дѣятельности. Особенность его богословскаго метода состояла въ томъ, что онъ старался вывести христіанское ученіе изъ тѣхъ абстрактныхъ, такъ называемыхъ схоластическихъ, формъ, въ какія оно включено было въ средніе вѣка, и поставить его лицомъ къ лицу съ современными направленіями научной мысли и общественнаго сознанія, обосновывая свои идеи не на латинскихъ компендіумахъ стараго и новаго времени, а на первоисточникахъ христіанскаго ученія—св. Писаніи и твореніяхъ отцовъ церкви, широко пользуясь при этомъ строго-научными приемами историко-критическаго метода, насколько такой методъ гармонировалъ съ теологическимъ принципомъ. Онъ глубоко былъ убѣжденъ въ необходимости и полной возможности совершенной гармоніи и солидарности вѣры и знанія, религіи и науки, подобно тѣмъ средневѣковымъ западнымъ богословамъ, которые девизомъ своего богословія ставили изреченіе: вѣра, ищущая разумѣнія (*fides, quaerens intellectum*). Такъ какъ такая постановка богословія несовѣмъ согласовалась съ практиковавшимися въ то время методами, ведшими начало, чрезъ кіевскую академію, отъ католицизма, то на первыхъ порахъ она возбудила противъ себя неудовольствіе: Иннокентія, какъ и Павскаго, называли „неологомъ“; назначено было „секретное дознаніе объ образѣ его мыслей“, которое, однако, привело къ полному оправданію Иннокентія и—къ возведенію его въ епископа ¹⁾.

¹⁾ См. объ этомъ нашу статью въ «Христ. Чтеніи» 1883 г. №№ 11—12.

Прибывъ, въ 1830 году, въ Кіевъ, въ качествѣ ректора тамошней духовной академіи, Иннокентій на первыхъ же порахъ, съ благословенія іерарха столь же просвѣщеннаго и мудраго, кіевскаго митрополита Евгенія Болховитинова, отмѣнилъ преподаваніе въ ней наукъ на латинскомъ языкѣ и такимъ образомъ разсѣкъ этотъ гордіевъ узелъ, безъ всякой пользы, а напротивъ даже со вредомъ для православія, связывавшій свободную богословствующую мысль и научную производительность кіевскихъ ученыхъ. Изъ его учениковъ и слушателей академіи с.-петербургской и кіевской образовался контингентъ свѣжихъ умственныхъ силъ въ русской церкви: между ними не было людей индефферентныхъ и холодныхъ къ преподаванію имъ ученію: это все почти были энтузіасты ¹⁾, проникнутые горячею любовію къ своему „великому учителю“, какъ обыкновенно его они называли, исповѣдывавшіе сердцемъ и устами его ученіе, которое впрочемъ отнюдь никогда не имѣло характера какой-либо оппозиціи чему-либо, а всецѣло было направлено на пользу церкви, на разумную научную интерпретацію православнаго вѣроученія. Отъ Иннокентія и Павскаго ведетъ у насъ свое начало то богословіе, которое составляетъ дѣйствительную силу нашей православной церкви и отличіе православной духовной школы отъ католической,—ученіе, котораго столь горячимъ адептомъ былъ Хомяковъ ²⁾. Такимъ образомъ Иннокентій освѣжилъ и вновь возбудилъ въ Россіи замѣчательную дѣятельность церкви учащей, сообщилъ новую энергію дѣятельности русскихъ богослововъ. Около него группируется цѣлая богословская и проповѣдническая школа, къ которой принадлежать на примѣръ такіа знаменитости нашей церкви, какъ недавно умершій его преемникъ по одесской кафедрѣ—преосв. Димитрій Муретовъ,

¹⁾ См. напр. VIII, 135. II. 323. IV, 288, 110. 445. VII. 40. VIII, 185. 226. Здѣсь какъ и въ послѣдующихъ цитатахъ, рамская цифра указываетъ № тома собранія бумагъ Иннокентія, которыми мы пользуемся, а арабская цифра—№ письма въ этомъ томѣ.

²⁾ См. объ этомъ въ нашихъ „историческихъ и критическихъ опытахъ“ (СПб. 1879 г. въ статьѣ: „Новый методъ въ богословіи“.

протоіерей О. О. Сидонскій, авторъ „Умозрительнаго богословія“ Голубинскій, Филаретъ Гумилевскій, его преемникъ по кафедрѣ харьковской, Іоаннъ, епископъ смоленскій и нѣкоторые другіе.

II.

Кромѣ лекцій и ряда учено-богословскихъ сочиненій (въ родѣ „последнихъ дней земной жизни Іисуса Христа“—сочиненія, относящагося къ петербургскому періоду его ученой службы, которому по степени популярности нѣтъ равнаго во всей нашей духовной литературѣ), одновременно съ ними Иннокентій достигалъ той же цѣли оживленія высшихъ духовно-нравственныхъ интересовъ въ обществѣ, въ сферахъ, интересовавшихся религиозными вопросами и соприкасавшихся съ сферою духовно-церковной,—путемъ проповѣди. Къ періоду его академической службы въ Кіевѣ относится изданіе его знаменитыхъ „седмицъ страстной и свѣтлой“ (сборники проповѣдей, сказанныхъ въ эти недѣли). Трудно представить себѣ тотъ энтузіазмъ, какой возбуждали эти и послѣдующія проповѣди Иннокентія (равно какъ и „последніе дни земной жизни Іисуса Христа“) не только въ обществѣ¹⁾, но и среди самаго духовенства и іерархіи. Обаяніе его проповѣди было всеобщее, всеобъемлющее. Иннокентій имѣлъ обыкновеніе, по выходѣ каждаго тома его проповѣдей разсылать по экземпляру его своимъ друзьямъ и высшимъ гражданскимъ и церковнымъ сановникамъ, находившимся съ нимъ въ сношеніяхъ, прежде, чѣмъ новый томъ появлялся на книжномъ рынкѣ. Этотъ экземпляръ обыкновенно

¹⁾ При дворѣ и въ высшемъ обществѣ проповѣди Иннокентія сдѣлались предметомъ особеннаго вниманія послѣ того, какъ оберъ-прокуроръ св. синода Нечаевъ въ своемъ годовомъ отчетѣ (за 1834 годъ) доложилъ государю императору „о новомъ блестящемъ дарованіи краснорѣчія духовнаго, достигшемъ полнаго своего развитія въ древней колыбели нашего духовнаго просвѣщенія“. о каковомъ докладѣ самъ Нечаевъ сообщилъ Иннокентію особымъ письмомъ (VIII, 41). Государь пожаловалъ проповѣднику орденъ Владиміра 3-й ст. и при встрѣчѣ съ митрополитомъ Сергіемъ отзывался о немъ съ отличною похвалою (III, 322).

обходилъ, какъ говорится, весь городъ. въ которомъ появлялся прежде, чѣмъ кто-либо успѣвалъ выписать книгу изъ Москвы, гдѣ изданіемъ проповѣдей Иннокентія завѣдывалъ М. П. Погодинъ, его преданнѣйшій другъ, въ продолженіи всей жизни Иннокентія не перестававшій восторгаться имъ и всячески радѣть о немъ. Томъ распредѣлялся для прочтенія по часамъ между городскими „сановниками“; дѣлались нарочитыя собранія кружковъ, для прочтенія его въ этихъ собраніяхъ. Для книги, такимъ образомъ въ продолженіе незначительнаго времени успѣвавшей порядочно поистрепаться, выдумывались особенные персплеты: воображеніе энтузіастовъ обыкновенно истощалось въ изобрѣтеніи эмблематическихъ украшеній на нихъ; устраивались особые столы, на которыхъ книга полагалась въ гостиную, на самомъ почетномъ мѣстѣ. Были приемы, что книга списывалась и распространялась въ рукописныхъ экземплярахъ, за невозможностію имѣть новыя ея экземпляры по причинѣ медленности тогдашней почты ¹⁾. А когда она успѣвала разойтись изъ книжныхъ лавокъ путемъ продажи, изъ самыхъ отдаленныхъ захолустьевъ, какъ изъ столицъ и городовъ, неслись въ Кіевъ или Вологду, позже—въ Харьковъ и Одессу, къ Иннокентію отъ совершенно неизвѣстныхъ ему лицъ иногда безъимянные письма, наполненные чувствами восторга и благоговѣйнаго уваженія къ нему, въ которыхъ говорилось, что книга его вся залита слезами читавшихъ, слезами умиленія и скорби о грѣхахъ, что она обратила на путь истины такого-то и т. п. ²⁾.

Въ средѣ духовенства сочиненія Иннокентія сразу получали значеніе настольной книги и руководства въ проповѣди. Обыкновенно ихъ заучивали наизусть и произносили съ церковной кафедрой, иногда какъ свои собственныя. Затѣмъ слѣдовали подра-

¹⁾ См. объ этомъ (по нашему алфавитному указателю къ бумагамъ Иннокентія) въ письмахъ Кочетова, анонимнаго петербургскаго корреспондента, Сербиновича, Войцеховича, Познява и многихъ другихъ лицъ.

²⁾ Такихъ писемъ дѣлае десятки, по нѣскольку въ каждомъ томѣ сборника. См. напр. т. VIII, 99, 100, 119, 157, 161, 264, 168, 169 и др.

жавія ему ¹⁾, проповѣдь усиліялась въ Россіи количественно и измѣнялась къ лучшему качественно. Это былъ настоящій переворотъ у насъ въ проповѣди. Возникла цѣлая школа проповѣдниковъ—Иннокентіевская, параллельно другой, Филаретовской, уступавшей впрочемъ въ численности первой. Большинство лучшихъ проповѣдниковъ настоящаго времени воспиталось на проповѣдяхъ Иннокентія, прямѣромъ и манерой проповѣднической дѣятельности Иннокентія бывъ возбуждено и заохочено къ дѣлу проповѣди. Любопытно впечатлѣніе проповѣдей Иннокентія на современную ему высшую церковную іерархію. Мститый митрополитъ Серафимъ, въ качествѣ первенствующаго члена св. синода редижировавшій его опредѣленіе о секретномъ дознаніи относительно образа мыслей Иннокентія, по поводу его лекцій, дошедшихъ до митроп. Филарета въ недовольно точной записи студентовъ, не задолго до своей кончины, прочитавъ его проповѣди, сказалъ: „читаешь проповѣди Иннокентія—словно медъ пьешь“ ²⁾, и написалъ Иннокентію: „Богъ далъ вамъ великій даръ слова: употребляйте оный ко славію его, въ назиданіе въ вѣрѣ и благочестіи“ ³⁾, и затѣмъ за каждый томъ проповѣдей его благодарилъ его особымъ собственноручнымъ письмомъ. Общее впечатлѣніе проповѣдей Иннокентія было впечатлѣніе гениальныхъ твореній, и самая придирчивая критика ихъ, безъ которой не обошлось дѣло, заканчивалась восторженными похвалами ему и горячими мольбами о сбереженіи здоровья (кото-

¹⁾ Слывымъ близкимъ подражателемъ Иннокентія въ проповѣди былъ одесскій протоіерей М. Павловскій: его проповѣди, издавныя отдѣльною книгой еще при жизни Иннокентія, весьма часто повторяютъ всѣ приемы проповѣднической манеры Иннокентія, не только мысли, но даже самыя фразы его проповѣдей. Другимъ его подражателемъ и послѣдователемъ въ дѣлѣ проповѣди можно считать вологодскаго протоіеря И. П. Нордова, недавно скончавшагося въ глубокой старости. Оба были близкими людьми къ Иннокентію и его горячими почитателями.

²⁾ См. письмо петербургскаго анонима.

³⁾ См. письмо Серафима къ Иннокентію въ нашей статьѣ объ Иннокентіи въ „Христ. Читеніи“ за 1883 г. № 11—12.

раго Иннокентій дѣйствительно не берегъ, трудясь непомерно за письменнымъ столомъ,—такъ по разсказу, сообщенному въ „Русской Старинѣ“¹⁾, онъ однажды, будучи кievскимъ ректоромъ, написалъ въ двѣ недѣли восемьдесятъ листовъ), „столь драгоценнаго для пользы церкви и науки“, которыхъ-де онъ служить лучшимъ украшеніемъ. Даже самъ м-тъ Филаретъ московскій, желавшій, „чтобы спокойный разсудокъ прошелъ по работѣ живаго и сильнаго воображенія“ въ проповѣдяхъ Иннокентія, не могъ не сознаться, что въ нихъ „отлично много способности“²⁾. Екатерина II имѣла обыкновеніе комплиментировать своимъ придворнымъ проповѣдникамъ сравненіемъ ихъ съ тѣми или другими проповѣдниками временъ Людовика XIV. Анастасій Братановскій былъ у нея „россійскій Массильонъ“, Платонъ—то „россійскій Фенелонъ“, то „россійскій Боссюэтъ“. Любопытно, съ кѣмъ бы сравнила остроумная государыня Иннокентія, если бы онъ жилъ въ ея время: если кто изъ нашихъ проповѣдниковъ по степени достоинства и по самой манерѣ проповѣдничества могъ быть сопоставленъ съ знаменитостями французской проповѣднической литературы, то, вѣроятно, прежде всего Иннокентій. Первые проповѣди его, напечатанныя въ „опытахъ студентовъ кievской академіи“ (Кievъ, 1824 г., стр. 68, 121, 151, 178), носятъ даже на себѣ несомнѣнные признаки подражанія Массильону (изученіемъ котораго онъ съ особенною любовію занимался въ бытность свою студентомъ), на что было уже указано въ литературѣ. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ то, что Иннокентій не былъ просто пастыръ-проповѣдникъ, но одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ церковныхъ ораторовъ. Все соединялось въ немъ для того: богатство знаній и духовныхъ дарованій, присутствіе въ нравственной организаціи его того духовнаго нерва, который подымаетъ на неизмѣримую высоту мысль и чувство оратора, подъ живымъ воздѣйствіемъ свѣтлой религіозной

¹⁾ 1879 г. Біографическій очеркъ Иннокентія, составленный Н. М. Востоковымъ.

²⁾ См. въ письмахъ Филарета къ Иннокентію, напечатанныхъ нами въ I-мъ книгѣ „Христ. Читанія“ за 1884 годъ, письмо № 6.

идей. Въ его прекрасной дикціи, жестикуляціи и мимикѣ всегда замѣчалось то, что называется на языкѣ ораторства высшимъ вдохновеніемъ и озареніемъ; орлиный полетъ мысли, творческая фантазія подсказывали ему формы изложенія и образы рѣчи замѣчательной, художественной прелести и красоты. Предъ бѣдную содержаніемъ мысль современнаго ему общества онъ износилъ и представлялъ, со всею ослзательностію и съ истинно-великою простотою, христіанскій идеалъ жизни, который въ его изображеніи поражалъ, трогалъ, плѣнялъ умы и сердца и наполнялъ ихъ неизъяснимымъ религіознымъ ощущеніемъ и трепетнымъ восторгомъ ¹⁾.

Какъ оригинальное явленіе тогдашней русской жизни стоятъ отмѣтить отношеніе къ Иннокентію тогдашней печати. „Журналъ и — ва народнаго просвѣщенія“ сообщалъ на своихъ страницахъ о каждой проповѣди Иннокентія, появлявшейся въ печати, какъ о событіи первостепенной важности въ умственной жизни общества, также, какъ академія наукъ въ своихъ „Извѣстіяхъ по отдѣленію русскаго языка и словесности“. Въ „Москвитянинѣ“, гдѣ Погодинъ печаталъ или перепечатывалъ лучшія изъ проповѣдей Иннокентія, первый русскій мыслитель-публицистъ той эпохи, И. В. Кирѣевскій писалъ рецензіи его проповѣдей ²⁾, а также С. П. Шевыревъ ³⁾. Тоже дѣлали журналы: „Маякъ“ ⁴⁾, „Современникъ“ ⁵⁾, „Молва“ ⁶⁾, „Финскій Вѣстникъ“ ⁷⁾, газеты: „С.-Петербургскія Вѣдомости“ ⁸⁾, „Отечеств. Записки“ ⁹⁾, „Сѣверная

¹⁾ Въ такомъ именно тонѣ и смыслѣ передается впечатлѣніе его проповѣдей въ безчисленныхъ благодарственныхъ письмахъ къ нему лицъ простыхъ и интеллигентныхъ, архіереевъ и свѣтскихъ сановниковъ. См. наприм. VIII, 164, 168, 169.

²⁾ См. Полн. собр. его сочиненій, т. II, стр. 205—209.

³⁾ Москвитянинъ, 1842 г. ч. II.

⁴⁾ 1842 г. т. 3, ч. I, 1843 г. т. 11 и 12, 1844 г. т. 13 и 14, 1845 г. т. 20-я.

⁵⁾ 1844 г., т. 35.

⁶⁾ 1836 г. ч. II.

⁷⁾ 1845 г. т. 8.

⁸⁾ 1848 г. № 90.

⁹⁾ 1857 г. т. CXIII.

Пчела¹⁾, „Справочный энциклопедический словарь“ Крайя. После 1857 г. (годъ его смерти) оцѣнкой его проповѣдей занимались, кромѣ исчисленныхъ изданій, а также духовныхъ журналовъ— „Христ. Чтенія“, „Странника“, „Духовнаго Вѣстника“ и др., и епархіальныхъ вѣдомостей (Херсонскихъ, Кіевскихъ, Полтавскихъ, Вологодскихъ и др.), „Отечественныя Записки“, „Херсонскія Вѣдомости“, „Чтенія въ москов. обществѣ исторіи“, „Вѣстникъ Западной Россіи“, „Одесскій Вѣстникъ“, „Русскій Дневникъ“, „Русскій Міръ“, „Гражданинъ“, „Русскій Архивъ“, „Русская Правда“, „Утро“, „Разсвѣтъ“, „Русскій“, „Памятная книжка кіевск. губерніи“, „Биржевыя Вѣдомости“ и др., такъ что вся печать наша, вообще мало расположенная къ произведеніямъ духовной литературы, отдала должную дань хвалы нашему великому оратору (намъ неизвѣстно ни одной критической статьи, которая въ проповѣдяхъ Иннокентія указывала бы какіе-либо слаббы стороны, тѣмъ болѣе недостатка). Стурдза, одинъ изъ лучшихъ дипломатовъ—стилистовъ своего времени, превосходно перевелъ проповѣди Иннокентія на французскій языкъ²⁾, и въ иностранной литературѣ талантъ русскаго проповѣдника, вопреки обычному въ то время въ ней игнорированію самыхъ замѣчательныхъ явленій русской жизни или неприязненному къ нимъ отношенію³⁾, находилъ себѣ безпристрастную оцѣнку и восторженные похвалы (въ журналахъ: *Semeur* и *Revue critique*, изд. *Cherbuliez*) такихъ знаменитостей, какъ *Vinet*⁴⁾. Такимъ образомъ проповѣди

¹⁾ 1855 г. № 160.

²⁾ «Первая седмица» переведена Стурдзой въ 1846 г. въ бытность его въ Италіи и напечатана въ Парижѣ (VIII, 155). Часть другихъ проповѣдей изданы на француз. языкъ имъ же въ С.-Петербургѣ въ 1848 г.

³⁾ Такъ одновременно съ изданіемъ проповѣдей Иннокентія на французскомъ языкѣ въ журналѣ *der Katholik* была напечатана въ высшей степени непріятная православію и Россіи статья, о которой Сербиновичъ писалъ: «все уже привыкли къ той мысли, что враги Россіи считаютъ для себя позволительною всякую клевету противъ нея» VIII, 27.

⁴⁾ Отзывъ эти вѣются въ копіяхъ въ бумагахъ Иннокентія: VI, 340—343. О *Vinet*, какъ критикъ Иннокентія, см. VIII, 152.

Инокентія сдѣлались извѣстными западу едва-ли не раньше, чѣмъ главнѣйшія произведенія нашихъ великихъ поэтовъ. Затѣмъ еще при его жизни проповѣди его были переведены (не всѣ, а по частямъ, конечно) на языки: польскій, сербскій, нѣмецкій, греческій и армянскій ¹⁾).

III.

Всего больше въ личности Инокентія насъ изумляетъ необыкновенная всесторонность его умственного кругозора, универсальность его знаній и практическаго ума. Это былъ поистинѣ человекъ науки, не только великій богословъ и ораторъ. Философія во всѣхъ ея отрасляхъ и естествознаніе, исторія всеобщая и русская, церковная и гражданская, археологія и палеографія—были ему извѣстны не много развѣ жемѣ, чѣмъ богословіе и слово Божіе. Неизвѣстно, изучалъ-ли онъ, чрезъ методическое чтеніе соотвѣтственной литературы, политическую экономію и государственное право; но въ перепискѣ съ государственными сановниками своего времени онъ обнаруживаетъ недюжинный государственный умъ—въ пониманіи народныхъ, общественныхъ и государственныхъ потребностей своей эпохи.

Свою любовь къ философій и свои обширныя познанія въ ней онъ обнаруживалъ еще въ бытность свою студентомъ, когда, какъ рассказываютъ лица компетентныя, излагая товарищамъ содержаніе прочитанныхъ имъ новыхъ философскихъ сочиненій или объясняя какой-либо частный вопросъ изъ области философій, затѣмъ лекціи самихъ профессоровъ ²⁾, въ числѣ которыхъ были истинныя знаменитости того времени, въ родѣ протоіерея И. М. Свворцова.

¹⁾ Греческій переводъ изданъ въ Афинахъ въ 1846 г., вѣроятно при содѣйствіи Типалдоса. Отдѣльно изданъ было слово по случаю манифеста 1848 г. Оно же было въ сербскомъ переводѣ помѣщено во «всеобщихъ югославянскихъ и сербскихъ новинахъ», въ Пештѣ. VII. 35. На нѣмецкій языкъ переведены три слова о зимѣ въ 1850 г. С. Шлорановичъ, V. I. 182. Армянскій переводъ сдѣлалъ Н. Артюковичъ, VIII. 117.

²⁾ См. Русс. Старину за 1879 г.

Въ бытность кievскимъ ректоромъ онъ приводилъ въ изумленіе всѣхъ своими блестящими импровизаціями на экзаменахъ, о которыхъ сохранилось не мало разказовъ въ матеріалахъ для его біографіи ¹⁾. Собственные его сочиненія по философіи ²⁾, весьма немногочисленные правда, высоко цѣнились современными ему русскими представителями философіи—Кирѣевскимъ, Карповымъ, Голубинскимъ, Скворцовымъ.—По естественнымъ наукамъ онъ собираетъ въ своей бібліотекѣ лучшія сочиненія, составляетъ ботаническія и минералогическія коллекціи; въ частности геологію штудируетъ во время своихъ прогулокъ въ окрестностяхъ Кіева, особенно же во время своихъ поѣздокъ по Крыму. Объ астрономіи, по поводу солнечнаго затмѣнія въ 1851 году, онъ ведетъ компетентную бесѣду съ академикомъ-спеціалистомъ Савичемъ ³⁾; съ нимъ же, а также съ Хавскимъ и Сожовымъ ⁴⁾, разсуждаетъ о всеобщей географіи и космографіи; съ Ѳ. П. Литке трактуетъ о вулканистикѣ и этнографіи, сообщая цѣныя свѣденія изъ области послѣдней, результатъ своихъ собственныхъ наблюденій и изслѣдованій ⁵⁾; съ Снегиревымъ и Терещенко — о произведеніяхъ русскаго и славянскаго народнаго творчества; съ Бодянскимъ, Невоструевымъ и кн. М. Оболенскимъ — о предметахъ славянской и русской палеографіи и о памятникахъ древне-русской литературы; съ Погодинымъ, Максимовичемъ, Ѳеод. Новицкимъ, бар. Шодоромъ—о предметахъ славянской и въ частности польской древней и новой исторіи; съ А. С. Уваровымъ, Ашикомъ, А. Будбергомъ и Мурзакевичемъ—о древностяхъ и исторіи Херсонеса, Крыма и

¹⁾ См. въ „Вѣникъ“ Погодина.

²⁾ Двѣ статьи „О неологизмъ или рационализмъ“, «взглядъ на греческую философію» напечатаны были сначала въ исторіи философіи архимандрита Гавриила и перепечатаны въ X томѣ собранія его сочиненій, изд. Вольфомъ. Доселѣ неизвѣстное его сочиненіе—о неоплатонической философіи, написанное для журнала м.—ва нар. просвѣщенія, упом. въ письмахъ. VIII. 38.

³⁾ VI, 61, 66.

⁴⁾ VII, 46, 304.

⁵⁾ VIII. 154. IV. 4.

Кавказа; съ графомъ М. Толстымъ—о сельскомъ хозяйствѣ южной Россіи; съ ученымъ евреемъ Мазохомъ—о разностяхъ между иудействомъ и христіанствомъ, католичествомъ, протестантствомъ и православіемъ (на латинскомъ языкѣ); съ Пальмеромъ—объ англиканской и католической церквахъ; съ Стурдзой—о церквахъ и политическихъ дѣлахъ востока, также о новостяхъ западной литературы; съ Бурачкомъ, Казначеевымъ и Палаузовымъ — о политикѣ западныхъ державъ и о будущемъ христіанскаго востока; съ архимандритами Софоніей и Антонинномъ, а также съ извѣстнымъ святогорцемъ Серафимомъ—о классическихъ и христіанскихъ древностяхъ Греціи и Аѳона; съ аиинскимъ профессоромъ Типалдосомъ—объ исторіи древняго востока, его религіяхъ и литературѣ, съ графомъ Остенъ-Сакеномъ—о вопросахъ стратегіи и военнаго дѣла и т. д. и т. д. Великій князь генераль-адмиралъ шлетъ ему на редакцію вновь составленный „морской уставъ“, съ просьбой исправить въ немъ то, что относится къ дѣятельности священниковъ, служащихъ во флотѣ, а также сдѣлать и другія, какія найдетъ нужнымъ, указанія; графъ Строгановъ, попечитель московскаго университета, проситъ его избрать для этого университета профессора философіи; другой Строгановъ А. Г., новороссійскій генераль-губернаторъ, проситъ его о составленіи историческихъ, статистическихъ и этнографическихъ свѣдѣній о Крымѣ и въ частности—Одессѣ, для доставленія таковыхъ въ „географическое общество“, въ виду предпринятаго онымъ составленія путеводителя по Россіи для отправляющагося въ путешествіе по ней великаго князя Константина Николаевича; Я. И. Ростовцевъ посылаетъ ему для исправленій и дополненій корректурные листы грамматикъ Греча, издаваемыхъ для военно-учебныхъ заведеній ¹⁾; князь Ю. Долгорукій, воронежскій губернаторъ, проситъ Инно-

¹⁾ Съ подобнымъ же письмомъ обращался Ростовцевъ и къ Г. П. Цавскому, который послалъ ему обширную рецензію на обѣ грамматикъ Греча, которая будетъ напечатана въ „Русской Старинѣ“.

кентія помочь ему въ устройствѣ въ Воронежѣ цистернъ—доставленіемъ плановъ цистернъ въ Одессѣ ¹⁾, и т. д. и т. д.

Чтобы оцѣнить значеніе Иннокентія въ области русской археологіи, достаточно сказать, что по его энергическому призыву возобновлено изученіе нашими учеными обществами классическихъ и восточныхъ древностей Бѣльма, а также Кавказа, и ему спеціально принадлежитъ возстановленіе изъ праха забвенія крымскихъ древностей христіанскихъ, начиная отъ крестъ Инкермана и развалинъ Херсонеса ²⁾. Ему принадлежитъ мысль объ ученомъ описаніи московской синодальной бібліотеки, осуществленіе которой поручено по его указанію ³⁾ знаменитому ученому Горскому, а также планъ собранія всѣхъ рукописныхъ сокровищъ, хранившихся въ монастыряхъ, въ духовно-научные центры—въ бібліотеки духовныхъ академій ⁴⁾. Эта мысль осуществлена уже послѣ него, ми-

¹⁾ На письмѣ Долгорукаго Иннокентій стѣвтилъ: «прешу покорно приказать знающему челоуѣку сдѣлать просимое для князя: оно пойдетъ на пользу пвлаго Воронежа». Планы одесскихъ цистернъ, вслѣдствіе этой резолюціи, при посредствѣ графа Строганова, были съясканы въ канцеляріи генералъ-губернатора и отосланы въ Воронежъ на имя тамошняго преосвященнаго, такъ какъ князь Долгорукій въ это время уже получилъ новое назначеніе. Письма лицъ, о которыхъ упоминается въ предъидущемъ перечнѣ, здѣсь не цитуются по ихъ многочисленности. См. ихъ по алфавитному указателю къ сборнику бумагъ Иннокентія, нами составленному. Между прочимъ сюда относятся письма VIII, 94. 176. IV. 373. 405. 373. 384.

²⁾ Неправедливо иногда упрекають русскую науку и ученыхъ въ томъ, что будто бы починъ археологическихъ розысканій въ нашей русской Помпѣ, Херсонесѣ, принадлежитъ англо-французамъ во время завитія Херсонеса Ламарморой и Канберомъ въ 1854 г. Дѣйствительно тогда англо-французы сдѣлали тамъ не мало раскопокъ и увезли съ собою немало археологическихъ находокъ; но еще до нихъ Иннокентій обращалъ вниманіе Воронцова на необходимость ученыхъ изысканій въ Херсонесѣ, и вслѣдствіе его инициативы графъ А. С. Уваровъ еще въ 1853 г. производилъ тамъ раскопки, въ качествѣ уполномоченнаго московскаго археологическаго общества, сообщая о каждомъ тамъ своемъ дѣйствіи Иннокентію, какъ епархіальному начальнику, собственнику мѣстности, въ которой происходили изысканія (см. VI, 167, II, 175).

³⁾ Русс. Старина 1879 г. апрѣль, стр. 654.

⁴⁾ Тамъ же. Иннокентій говорилъ о предполагаемомъ участіи въ этомъ от-

трополитомъ Григоріемъ, но по его плану. Въ каждой изъ епархій, въ которыхъ онъ епископствовалъ — вологодской ¹⁾, харьковской ²⁾, одесской ³⁾, а равно въ Кіевѣ, въ бытность тамъ ректоромъ академіи, имъ—или самимъ начаты мѣстные этнографическія и историко-статистическія работы, или избраны для такихъ работъ компетентныя и способныя лица ⁴⁾. Всѣ кіевскія ученныя комиссіи „для изданія древнихъ актовъ южной Россіи“, позже—археографическая, давшія трудами Писарева, Юзефовича, Антоновича и другихъ лицъ такую обширную литературу матеріаловъ для мѣстной южно-русской исторіи, ему обязаны своимъ возникновеніемъ, въ силу его вліянія на Д. Г. Бибикова, которому онъ не переставалъ твердить о необходимости разработки мѣстной южно-русской исторіи и сообщалъ даже многіе матеріалы ⁵⁾ для оной. Его указанію, содѣйствію и руководству обязаны своимъ происхожденіемъ многіе историческіе труды Максимовича и Аскоченскаго ⁶⁾.

пошеи Погодина и Бодянского, но вмѣсто этихъ лицъ помощникомъ Горскому сдѣлался К. Н. Певоструевъ.

¹⁾ См. по указателю письма Пордова, Волковского и нѣкот. другихъ, тамъ же «Русск. Старину» 1879 г.

²⁾ О дѣятельности своей въ Харьковѣ въ этомъ отношеніи Иннокентій такъ выражается въ одномъ изъ писемъ къ Сербиновичу: теперь можно сказать, что харьковская епархія мнѣ известна во всѣхъ отношеніяхъ, начиная съ этнографіи. Русск. Стар. т. XXIII, стр. 374. О занятіяхъ Иннокентія древностями въ Харьковѣ см. также въ письмахъ къ нему архіеп. Филарета Гумилевскаго (по указателю) и въ письмахъ къ Ф. П. Литке—IV, 4.

³⁾ О своихъ занятіяхъ археологіей въ бытность въ Одессѣ Иннокентій пишетъ (Р. Стар. XXIII, 702): «меня одоляли археологическіе помыслы. Не только всѣ старыя затѣи лѣзуть въ глаза, поднимаясь изъ архива давняго забвенія, но и новыя предположенія готовы вспорхнуть цѣлымъ стадомъ. Я хлопочу провѣдать теперь нѣтъ-ли чего для нашей церковной исторіи въ патріаршемъ константинопольскомъ архивѣ: вѣдь по теоріи тамъ многое должно быть особенно о крымской іерархіи».

⁴⁾ О трудахъ его для археологій Кіева см. въ письмахъ къ нему П. М. Скворцова, вмѣстѣ съ которыми онъ, между прочимъ, составилъ планъ описанія и изданія церковныхъ древностей Кіева. По его настоянію изданы Максимовичемъ акты луцкаго и кіевского братства.

⁵⁾ См. VIII, 58, 66, 67. Вообще письма Бибикова къ Иннокентію (по указателю).

⁶⁾ IV, 288, 410, 445; а также вообще письма названныхъ лицъ по указателю.

Одинадцать компактных томовъ, напечатанныхъ доселѣ сочиненій Иннокентія (въ изданіи Вольфа 1872—1875 годовъ) ¹⁾, отнюдь не даютъ надлежащаго понятія о всемъ объемѣ его дѣятельности въ области науки. Многія изъ его ученыхъ работъ остались не изданными, многія изъ его „программъ“ и пачиваній—не осуществленными по недостатку времени, а также необходимаго содѣйствія, поощренія и разрѣшенія. Мы, пока, не привели еще въ систему всѣхъ свѣденій и указаній по этому предмету, разсѣянныхъ въ письмахъ къ Иннокентію его безчисленныхъ ученыхъ друзей и корреспондентовъ, и потому не можемъ дать пока полного обзора этихъ работъ, который самъ по себѣ можетъ составить отдѣльную монографію. Назовемъ здѣсь лишь нѣкоторыя изъ его изданій. Къ числу оконченныхъ но не изданныхъ его работъ относятся: 1) „Памятникъ вѣры“ или „догматическій сборникъ“—собраніе вѣроизложеній древней христіанской (а также русской) церкви (въ двухъ параллельныхъ изданіяхъ—въ подлинникахъ и въ русскомъ переводѣ) — трудъ колоссальный по объему. Этимъ изданіемъ Иннокентій занимался въ продолженіе всего архіерейскаго періода своего служенія, постоянно прерываемый въ своихъ занятіяхъ то частыми перемѣщеніями—изъ Кіева въ Вологду, изъ Вологды въ Харьковъ, отсюда въ Одессу—и тремя поѣздками въ С.-Петербургъ (первая—для посвященія въ архіереи, изъ Кіева, двѣ—для присутствованія въ св. синодѣ): въ концѣ его жизни,

¹⁾ Изданіи, кстати замѣтимъ, крайне неудовлетворительномъ. Не говоря уже о неудобочитаемомъ, хотя и затѣйливомъ шрифтѣ, каковымъ напечатано это изданіе, оно лишено всякой системы и какого-бы то ни было плана. Хронологія сочиненій Иннокентія, и вообще какого-бы то ни было вида ученый аппаратъ, отсутствуетъ въ изданіи. Одинадцати-томному изданію не предпослано никакой, хотя бы то самой краткой біографіи. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ съ необычайною дороговизною (28 рублей за 11 томовъ), служатъ причиною, что изданіе не имѣетъ того успѣха въ обществѣ, какого заслуживалъ-бы такой авторъ. Какъ не позавидовать русскимъ людямъ въ этомъ случаѣ иностранцамъ! Напримѣръ изданное въ прошломъ году *полное* собраніе сочиненій недавней англійской знаменитости, методистскаго проповѣдника Карла Спуржона, въ шести томахъ стоитъ всего нѣсколько шиллинговъ!

послѣ замѣчаній и поправокъ въ св. синодѣ онъ былъ уже одобренъ послѣднимъ къ изданію и отчасти отпечатанъ, но отосланный къ Иннокентію для вторичныхъ исправленій во 2-мъ томѣ, такъ и не узрѣлъ свѣта Божія, за смертію Иннокентія въ 1857 году ¹⁾; 2) исторія христіанской церкви въ Польшѣ, изъ которой нѣсколько статей были напечатаны въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія“ (именно намъ извѣстны двѣ статьи: „о началѣ христіанства въ Польшѣ“ и „о реформаціи въ Польшѣ“) ²⁾; этимъ предметомъ Иннокентій занимался съ особенною любовію и при помощи своихъ многочисленныхъ друзей и знаемыхъ (между прочимъ—варшавскаго протоіерея Теофила Новицкаго, своего товарища по академіи) собралъ массу матеріаловъ, которые не всё успѣлъ обработать ³⁾; 3) переводъ литургіи и годоваго круга богослужебныхъ пѣснопѣній на польскій языкъ ⁴⁾; 4) переводъ на польскій языкъ катихизиса м-та Филарета ⁵⁾; 5) переводъ того же катихизиса на молдавскій языкъ ⁶⁾. Затѣмъ имъ заготовлены были матеріалы и составлена подробная программа для слѣдующихъ изданій: 1) „Вертоградъ духовный“—хронологическій сборникъ лучшихъ произведеній христіанской проповѣди всѣхъ временъ—въ родѣ позднѣйшей Нессельмановой *Buch der Predigt* ⁷⁾;

¹⁾ Подробности о процессѣ этой многотрудной работы Иннокентія содержатся въ письмахъ къ нему Сербиновича, архим. Маварія Булгакова и И. М. Скворцова.

²⁾ См. въ письмахъ Сербиновича по указателю.

³⁾ Относящіяся къ этой работѣ подробности содержатся въ письмахъ Сербиновича и Скворцова VIII, 27. 71.

⁴⁾ VIII, 33.

⁵⁾ Этотъ переводъ представлялъ былъ Иннокентіемъ въ св. синодѣ и разсматривался тамъ одновременно съ другимъ переводомъ той же книги, сдѣланнымъ минскимъ епископомъ Михаиломъ.

⁶⁾ VIII. 35. Разсмотрѣніе его поручено было вишневецкому епископу Ириварху.

⁷⁾ Объ этомъ изданіи говорится въ письмахъ къ Иннокентію Филарета м. н., Скворцова и Г. С. Кочетова, который доставилъ ему и значительно количество матеріаловъ для этого изданія.

2) исторія соборовъ въ актахъ или дѣянiяхъ ихъ ¹⁾; 3) „Церковный архивъ“—библіотека древнихъ и новыхъ историческихъ сочиненiй о правосл. церкви, съ присоединенiемъ сборника иностранныхъ сочиненiй о русской церкви, на подобіе Штритеровой „memoira populorum“ (писалъ Иннокентiй): подробная программа этого изданiя, для котораго имъ собрано было значительное количество матеріаловъ, была представлена въ св. синодъ, но затерялась въ бумагахъ Сербиновича, а когда была имъ найдена и доложена синоду, то была одобрена имъ, и кiевской академіи предписано было осуществить ее ²⁾; 4) переводъ „Кормчей книги“ на русскій языкъ, одно изъ раннихъ ученыхъ предпріятiй Иннокентiя, за которое онъ взялся по мысли оберъ-прокурора св. синода Нечаева, съ отставкою котораго прекратилась и его подготовка къ осуществленiю этой мысли, возникшей въ головѣ Нечаева въ связи съ идеей объ обученiи будущихъ пастырей церкви въ семинаріяхъ и академіяхъ гражданскому законовѣденiю одновременно съ церковнымъ ³⁾; 5) „Исторія церкви російской въ связи съ исторiей церкви другихъ единовѣрныхъ намъ племенъ славянскихъ“ ⁴⁾; 6) богословскій словарь, подробный, въ замѣтъ краткаго, составленнаго протоіереемъ А. И. Маловымъ ⁵⁾; 7) жизнеописаніе кiевского протоіерея Г. В. Леванды ⁶⁾; 8) изданіе „Палинодія“ Захаріи Копыстенскаго, какъ лучшаго памятника противокатолической полемики, по подлиннику, находившемуся въ бібліотекѣ Кіево-Софійскаго собора, доставленному И. М. Сковрцовымъ; этой работой занимался Иннокентiй будучи уже въ Харьковѣ и,

¹⁾ VIII, 35. Мысль Иннокентiя осуществлена казанской академіей, издавшей «дѣянiя соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ»; прагматическая исторія соборовъ принадлежитъ преосв. Іоанну.

²⁾ См. VII, 182. Также въ письмахъ Сербиновича.

³⁾ Это изданіе осуществлено въ наше время почтеннымъ обществомъ любителей духовнаго просвѣщенiя въ Москвѣ.

⁴⁾ VIII, 26.

⁵⁾ VIII, 35.

⁶⁾ VIII, 38. Матеріалы, бывшіе въ распоряженiи Иннокентiя, послужили для недавняго труда о Левандѣ, напечатаннаго въ «Трудахъ Кіев. Академіи»,

окончивъ ее, отослалъ ее къ Д. Г. Бибикову, для изданія кievскою археографическою комиссією, но издана она не была ¹⁾; 9) отысканіе и изданіе записокъ Петра Могилы ²⁾, а равно редакція перевода сочиненія Могилы „Православное исповѣданіе вѣры“; 10) „Памятникъ униѣ“ — сборникъ всего напечатаннаго и написаннаго по этому предмету ³⁾. Къ этому слѣдуетъ присоединить труды по редакціи журнала „Воскресное Чтеніе“, которою Иннокентій занимался самъ, наполняя журналъ главнымъ образомъ своими статьями, эпизодами изъ исчисленныхъ выше своихъ работъ, которыя всѣ Иннокентій велъ одновременно, почему, можетъ быть, и не успѣлъ окончить вполне многихъ изъ нихъ. Наконецъ есть указанія на сотрудничество его въ „Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей“ ⁴⁾, въ харьковскомъ „Молодикѣ“, издававшемся И. Бецими ⁵⁾, въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія ⁶⁾ и въ „Извѣстіяхъ II-го отдѣленія академіи наукъ“ ⁷⁾. Повторяемъ: исчисленное нами далеко не все, что дѣлалось Иннокентіемъ въ области науки и литературы. Между прочимъ изъ вышеприведеннаго перечня, которымъ я утомилъ ваше, мм. гг., вниманіе, вы можете видѣть, что и здѣсь симпатіи ученаго іерарха таготебли главнымъ образомъ въ сторону славянства. Вообще же мысль, которая руководила Иннокентіемъ въ этомъ страстномъ служеніи его наукѣ, которую онъ выражалъ многократно и въ проповѣдяхъ и въ письмахъ, была та, что религія, которой онъ былъ призваннымъ и избраннымъ представителемъ, вполне совмѣстима съ наукой, можетъ и должна быть солидарна съ нею въ стремленіи къ

¹⁾ О ней очень большая переписка съ Сковрцовымъ, Воронцовымъ и архим. Антоніемъ, ректоромъ кievской академіи.

²⁾ См. объ этомъ въ письмахъ къ Иннокентію архимандрита Дамітрія (Муретова) и Сковрцова.

³⁾ „Русск. Бесѣда“ 1857 г. № 3. Критика, стр. 51.

⁴⁾ Въ письмахъ Бодянскаго.

⁵⁾ VIII, 110.

⁶⁾ Въ письмахъ Сербяновича за первые годы.

⁷⁾ Въ письмахъ П. А. Ширинскаго-Шихматова и Н. И. Давыдова.

одной общей цѣли — направленія человѣчества къ его высшему духовному назначенію. Въ своихъ богословскихъ сочиненіяхъ онъ дѣлаетъ все то употребленіе изъ науки въ ея обширномъ смыслѣ и полномъ объемѣ, какого можно только пожелать отъ богослова. Знаніе философіи и естествознанія, которое онъ обнаруживаетъ въ этихъ своихъ сочиненіяхъ, не какое-либо элементарное, но въ полномъ смыслѣ учено-спеціальное ¹⁾.

Наконецъ въ числу заслугъ Иннокентія для науки слѣдуетъ отнести постоянное ходатайство его предъ лицами, власть имѣющими, за труженниковъ науки и матеріальную помощь, оказываемую имъ постоянно изъ своихъ личныхъ средствъ всеѣмъ безъ различія происхожденія и состоянія.

Въ числѣ многихъ помощью и протекціей Иннокентія пользовались М. А. Максимовичъ, И. М. Снегиревъ, О. Новицкій, О. Михневичъ, В. Н. Карповъ, Я. К. Амфитеатровъ, В. И. Аскоченскій, издатель „Одесской Флоры“ Горбановскій, прот. И. М. Свворцовъ, Метлинскій (профессоръ харьков. ун — та), протоіерей Нордовъ, Палимпсестовъ, Смолодовичъ, Синайскій, А. Ашикъ (хранитель керченскаго музея), Надежинъ Ѳ. (авторъ нѣсколькихъ сочиненій по философіи), Трояновскій, Бобровницкій, свящ. Яковкинъ ²⁾ и многіе другіе. Кто-бы и когда-бы изъ дѣятелей науки и литературы ни обращался къ нему за указаніями, помощью и содѣйствіемъ съ его стороны, никогда не встрѣчалъ отказа; Иннокентій дѣлалъ обыкновенно все, что могъ сдѣлать.

Энергія къ ученымъ занятіямъ и ко всякаго рода полезной общественной дѣятельности съ годами не уменьшалась въ Иннокентіѣ, а росла, не смотря на то, что здоровье его значительно пошатнулось и онъ началъ часто хворать лѣтъ за восемь до смерти, и не смотря на то, что его ученымъ занятіямъ страшно мѣшали его частыя перемѣщенія и переселенія, а также зависть, неисправность

¹⁾ См. томы VII, VIII, X и XI полнаго собранія его сочиненій, изданныхъ Вольфомъ.

²⁾ См. письма этихъ лицъ по указателю. IV, 32 и др.

и медленность почты и другія причины. Его „ученая горячка“, какъ называли его страсть къ научнымъ работамъ, достигла своего апогея въ началу крымской войны. Живя въ Одессѣ, какъ раньше— въ Харьковѣ, онъ то и дѣло выписывалъ то изъ Москвы, чрезъ Погодина и Бодянского, то изъ Кіева, чрезъ своего друга протоіерея И. М. Скворцова и другихъ, то изъ С.-Петербурга чрезъ разныхъ должностныхъ лицъ ¹⁾ и своихъ знакомыхъ, изъ казенныхъ и частныхъ книгохранилищъ нужныя ему рѣдкія печатныя изданія и рукописи; прибрѣталъ ихъ покупкой изъ за границы чрезъ Ригу ²⁾ и изъ Императорской публичной бібліотеки въ С.-Петербургѣ (баронъ, впоследствии графъ, И. А. Корфъ, самымъ аккуратнымъ образомъ сообщалъ ему списки новыхъ, прибрѣтаемыхъ бібліотечкой изданій, а также поступавшихъ въ ней въ продажу книгъ) на нѣсколько сотенъ рублей ежегодно, какъ это видно изъ имѣющихся въ его бумагахъ счетовъ. Крымская война приостановила эту горячку, давъ его энергіи другое направленіе. Продолжая устроить свой русскій Аѳонъ—рядъ скитовъ въ предѣлахъ Тавриды, онъ велъ въ тоже время въ этотъ періодъ своей дѣятельности непрерывную переписку съ духовенствомъ, командированнымъ имъ въ тѣ мѣстности, въ которыхъ происходили военныя дѣйствія.

Предъ нами болѣе пятисотъ писемъ къ Иннокентію приходскихъ священниковъ, іеромонаховъ и архимандритовъ изъ мѣстностей, находившихся въ районѣ военныхъ дѣйствій, а также находившихся въ плѣну у непріятелей (архим. Геронтій, его ученикъ по кievской академіи, впоследствии юрьевскій архимандритъ),

¹⁾ VІІІ, 26. З. Иннокентій спрашиваетъ Сербиновича, можетъ ли онъ надѣяться на содѣйствіе правительства въ доставленіи ему нужныхъ для его ученыхъ работъ книгъ, которыхъ нельзя имѣть иначе, какъ при его посредствѣ. Ищутъ этихъ рукописей повсемѣстно, по всему спб. округу чрезъ циркуляры, арх. Порфирій—въ ввѣенныхъ бібліотекахъ, самъ Сербиновичъ чрезъ своего корреспондента—въ Мюнхенѣ.

²⁾ Чрезъ рижскаго книгопродавца Кямля при посредствѣ Щербнина (VІІІ, 106).

съ самыми разнообразными замѣчаніями, помятами и резолюціями Иннокентія, показывающими—съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ и понимаемъ дѣла слѣдилъ онъ за ходомъ военныхъ операцій. Сестры милосердія, госпитали, духовенство въ нихъ, были предметомъ особой его пастырской заботливости: чрезъ нихъ раненые снабжались нерѣдко предметами продовольствія, собранными Иннокентіемъ, духовными книгами и иконами. Изъ писемъ къ Иннокентію всѣхъ этихъ лицъ можетъ составиться самая подробная хроника войны, неофициальная, которая можетъ быть во многомъ измѣнить имѣющуюся доселѣ официальную исторію событій того времени, составленную по реляціямъ, освѣтивъ ее съ новыхъ точекъ зрѣнія и дополнивъ характеристиками дѣйствовавшихъ лицъ и множествомъ интересныхъ деталей къ этой грандіозной эпопеѣ. Независимо отъ этой переписки, отчасти лишь при помощи ея, по рассказамъ, слышаннымъ нами отъ лица, состоявшаго при Иннокентіѣ въ это время и въ теченіе многихъ лѣтъ, Иннокентій превосходно знаетъ интимную исторію крымской эпопеи, всѣ злоупотребленія, намѣренныя и ненамѣренныя ошибки дѣйствующихъ лицъ ея съ русской стороны и степень ихъ умственного и нравственного достоинства и ихъ характеры. По рассказамъ того же лица, онъ удостоивался въ это время посѣщеній (инкогнито) великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей, пріѣзжавшихъ въ Севастополь. Личные подвиги Иннокентія во время войны, въ Одессѣ, гдѣ во время бомбардированія, при сотрясеніи стѣнъ собора и всеобщемъ ужасѣ молящихся, онъ совершалъ спокойно священнодѣйствіе выноса плащаницы, и въ Севастополѣ, гдѣ онъ подъ непріятельскими выстрѣлами безстрашно ходилъ по рядамъ войскъ, ободряя солдатъ и полководцевъ, и развѣзжалъ по бухтѣ, тогда, какъ въ нее спереди и сзади сыпались бомбы, — эти подвиги мужества и безстрашія всѣмъ извѣстны, равно какъ и его проповѣди этого времени, перепечатававшіяся во всѣхъ газетахъ, изъ которыхъ составилась цѣлыхъ два тома. Государь наградилъ его за эту доблесть брилліантами на клобукъ (изъ письма къ

Иннокентію видно, что всё ждали для него брилліантовой панаги на георгіевской лентѣ). Въ самомъ началѣ военныхъ дѣйствій Иннокентій объѣхалъ весь Крымъ и представилъ графу Протасову „дневникъ“ этой „любопытной и опасной“, какъ выражается Протасовъ въ своемъ письмѣ къ нему, поѣздки ¹⁾. Во время самой войны онъ ведетъ непрерывную переписку съ военно-начальствующими — графомъ Остенъ-Сакеномъ (комендантомъ Севастополя во время войны и другими) о госпиталяхъ, о религіозномъ утѣшеніи раненныхъ, о снабженіи ихъ предметами продовольствія и т. д. Въ высшей степени любопытны вопросы, предложенные имъ Остенъ-Сакену относительно тѣхъ или другихъ частныхъ военныхъ операцій и общихъ вопросовъ стратегіи: они показываютъ въ нашемъ богословѣ-ораторѣ не только горячаго патріота, но и не послѣдняго знатока правилъ военного искусства. Вопросы эти, вмѣстѣ съ отвѣтами на нихъ графа Остенъ-Сакена, напечатаны въ военномъ сборникѣ за 1861 годъ (т. XX, стр. 134—138).

IV.

Заслугами для развитія въ Россіи богословскаго образованія проповѣдничества и науки вообще не ограничивается историческое значеніе Иннокентія. Въ числѣ его корреспондентовъ насчитывается десятка два высшихъ государственныхъ сановниковъ и около пятидесяти лицъ изъ высшей родовой аристократіи въ Россіи. Между прочимъ это были предсѣдатель государственнаго совѣта графъ Д. Н. Блудовъ, министры народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ, графъ С. С. Уваровъ, А. С. Норовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Л. А. Перовскій, министръ финансовъ Кнѣзевичъ, министръ государственныхъ имуществъ П. Д. Киселевъ, министры военные Сухожанецъ, кн. Меньшиковъ и кн. В. А. Долгоруковъ, министръ иностранныхъ дѣлъ Нессельроде, фельдмаршалъ Паскевичъ, главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній Я. И. Ростовцевъ,

¹⁾ I, 34.

знаменитый устроитель Крыма и Кавказа кн. М. С. Воронцовъ, кievскіе генераль-губернаторы Д. Г. Бибииковъ и кн. И. И. Васильчиковъ, оберъ-прокуроры св. синода Нечаевъ, гр. Протасовъ, и гр. А. П. Толстой; графы Строгановы, московскій и одесскій; кн. П. А. Ширинскій-Шихматовъ; главно-управляющій почтовымъ департаментомъ Ѡ. И. Прянишниковъ, наказной атаманъ войска донскаго—М. Д. Хомутовъ, и друг. Изъ родовой русской аристократіи: нѣсколько князей Голицыныхъ, два Долгоруковыхъ, три Долгорукихъ, нѣсколько графовъ Толстыхъ, князь Орловъ, графъ Орловъ-Денисовъ, графиня А. А. Орлова-Чесменская, графъ и графиня Левашевы, графы Гевдриковы, князья Шаховскіе, кн. Репнины, Корфъ, Потоцкіе, Буксгевденъ, Оболенскіе, Ламбертъ, П. А. Вяземскій, Мусинъ-Пушкинъ, Потемкины, А. М. и Т. В., графъ Кочубей, графъ Никитинъ, Загрятскіе, Завадовскіе, Вревскіе, Булацель, Сен-При, князь Давыдовъ, Тучковы, Шабельскіе, Красинскіе, Коцебу, Опочинины, Вагговуть, Лазаревъ, М. П. Мальцевы, Левшинъ, Аннековъ, Н. Н. Остенъ-Сакенъ, Рикордъ, Будбергъ, первоприсутствующій сенаторъ Горгали и множество другихъ. Далѣе слѣдуетъ рядъ „дѣльцовъ“ въ разныхъ министерствахъ, стоявшихъ на іерархической лѣстницѣ на второй ступени, каковы: А. Н. Муравьевъ, Щербининъ, Сербиновичъ, Тройницкій, Врадке, Дурасовъ, Красовскій и др. Изъ литераторовъ и ученыхъ, кромя исчисленныхъ выше, замѣчательными корреспондентами Иннокентія были: Н. В. Гоголь, разсуждавшій въ своихъ письмахъ къ нему о великомъ призваніи и будущности Россіи и повѣрившій ему свои мучительныя думы въ самыя тяжелыя для него времена послѣ изданія „переписки съ друзьями“ и послѣ убійственной критики на эту переписку—Бѣлинскаго; К. А. Неволинъ, знаменитый юристъ, графъ А. К. Толстой, Кукольникъ, Квитка, Щербина, Гулакъ-Артемовскій.

Всѣ эти лица, начавъ съ восторга къ проповѣдямъ Иннокентія, переходили къ личнымъ сношеніямъ съ нимъ, вводили его въ свою частную жизнь и въ сферу своихъ общественныхъ отношеній,

просили его совѣтовъ о предметахъ своей личной духовной жизни, о дѣлахъ совѣсти и семейныхъ, а затѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, и о дѣлахъ своей служебной и официальной дѣятельности. Отношенія къ Иннокентію этихъ лицъ не были отношенія простой любезности и какого-либо официального „высокопочитанія“, но отношенія самой искренней неподдѣльной любви и симпатій этихъ лучшихъ дѣятелей своей эпохи къ замѣчательно-свѣтлой и благородной личности Иннокентія, безграничнаго уваженія къ его глубокому и пронизательному, истинно-государственному уму. Такъ постепенно, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, открывалась предъ Иннокентіемъ совершенно новая область—общественнаго и государственнаго вліянія помимо официальныхъ полномочій церковнаго іерарха.

Естественно, что планы разныхъ нововведеній и проекты реформъ, выходявшіе изъ подъ пера Иннокентія, прежде всего относились къ духовному вѣдомству. Оберъ-прокуроры Нечаевъ и гр. Протасовъ самымъ безцеремоннымъ образомъ эксплуатировали его силы для разработки разныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ этомъ вѣдомствѣ, начиная съ того времени, когда Иннокентій былъ лишь кіевскимъ ректоромъ. Такъ Нечаевъ поручаетъ ему составленіе конспектовъ наукъ, преподававшихся въ духовныхъ академіяхъ, переводъ и изданіе Коричей, совѣщается съ нимъ о введеніи въ семинарскій курсъ изученія гражданскихъ законовъ наравнѣ съ церковными; Иннокентію принадлежитъ мысль, осуществленная въ самое позднѣйшее время, объ изданіи при св. синодѣ особаго официального органа подъ названіемъ: „Синодскія Вѣдомости“ въ параллель съ „Сенатскими Вѣдомостями“) ¹⁾; изъ писемъ къ нему Погодина видно, что имъ составленъ былъ и представленъ въ св. синодъ проектъ улучшенія матеріальнаго быта духовенства ²⁾. Для того, чтобы оцѣнить всю степень вліянія Иннокентія

¹⁾ См. объ этомъ въ письмахъ къ Иннокентію Аскоченскаго и Нечаева.

²⁾ Въ бумагахъ Иннокентія вмѣстѣ одинъ проектъ съ этимъ заглавіемъ, но, повидимому, онъ не ему принадлежитъ, а прислалъ къ нему кѣмъ-либо изъ синода въ копію для отзыва (см. также VI, 239).

на ходъ дѣлъ въ духовномъ вѣдомствѣ, мы впрочемъ въ настоящее время пока не имѣемъ всѣхъ необходимыхъ данныхъ.

Въ области гражданской жизни нашего отечества мы можемъ пока отмѣтить слѣдующіе факты дѣятельности Иннокентія. 1) Графъ Протасовъ посылаетъ ему на окончательную редакцію (уже послѣ Филарета, м—та московскаго) проекты законовъ о бракѣ, долженствовавшихъ войти въ издававшійся графомъ Блудовымъ „сводъ законовъ россійской имперіи“, и, кажется, доселѣ дѣйствующее законодательство наше о бракѣ—плодъ труда Иннокентія. 2) Министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Перовскій испрашиваетъ его мнѣнія по чрезвычайно важному и въ то время еврейскому вопросу, каковое и получаетъ въ видѣ обширной „записки“, составленной Иннокентіемъ. 3) Д. Г. Бибикову Иннокентіемъ между прочимъ представлены въ разное время три записки политическаго содержания: „о политическомъ значеніи духовенства въ югозападныхъ губерніяхъ Россіи“, „объ устройствѣ кievскаго университета, по поводу происходившихъ на югѣ политическихъ движеній“, и „взглядъ на управленіе учебными округами“, каковыя записки, по выраженію Бибикова, „раскрыли ему предметы сія въ яснѣйшемъ видѣ и доставили ближайшія свѣденія о настоящемъ ихъ положеніи“ ¹⁾. 4) Изъ писемъ къ Иннокентію М. С. Воронцова видно участіе Иннокентія въ ходѣ законодательства и мѣстныхъ въ южной Россіи административныхъ распоряженій по дѣламъ раскола, причемъ Иннокентій не всегда соглашается съ мнѣніемъ по многимъ вопросамъ этого рода весьма либеральнаго генералъ-губернатора. Вообще же для Д. Г. Бибикова и М. С. Воронцова Иннокентій былъ постоянный интимный совѣтникъ во всемъ объемѣ ихъ важной государственной дѣятельности, равно какъ по видимому для министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова, съ которымъ

¹⁾ VIII, 62. Въ 1839 г. Бибиковъ просилъ Иннокентія доставить ему также читанное въ 1831 г. по церквамъ югозападнаго края воззваніе главно-командовавшаго первому арміею къ помѣщикамъ крестьянамъ о сохраненіи вѣрно-подданническаго долга въ случаѣ возстанія владѣльцевъ противъ законной власти. VIII, 60.

постоянно находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Графъ Уваровъ, министръ народнаго просвѣщенія, „зная, съ какимъ вниманіемъ Иннокентій слѣдитъ за ходомъ народнаго образованія въ Россіи“, а равно графъ Киселевъ, министръ государственныхъ имуществъ, имѣли обыкновеніе присылать ему экземпляры своихъ печатныхъ отчетовъ по вѣреннымъ имъ министерствамъ, и Иннокентій, не обинуясь, въ отвѣтныхъ письмахъ имъ по этому поводу, высказываетъ свое откровенное мнѣніе о значеніи ихъ дѣятельности и указываетъ для нея новыя задачи и предметы. Подобнымъ же образомъ принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, „по особому уваженію,“ какъ онъ выражается, къ Иннокентію, „выбываетъ себѣ въ обязанность препроводить къ нему экземпляръ составленнаго имъ и Высочайше одобреннаго наставленія для образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній“; императрица Александра Феодоровна была съ нимъ въ перепискѣ по предмету устройства тѣхъ же заведеній. Наконецъ мы упоминали выше объ участіи Иннокентія въ составленіи нынѣ дѣйствующаго морскаго устава, учебниковъ по русскому языку для военно-учебныхъ заведеній. — Чтобы читатель наглядно могъ убѣдиться въ сказанномъ нами о чувствахъ къ Иннокентію его корреспондентовъ, приведемъ нѣсколько извлеченій изъ нѣкоторыхъ писемъ.

«Цѣню вполне ваше милостивое ко мнѣ расположеніе и доблій трудъ вашъ, пишетъ Бибиковъ Иннокентію въ 1840 г. Душа и сердце полны къ вамъ живѣйшею благодарностію» ¹⁾. «Конечно васъ никто столько не любитъ и не уважаетъ, какъ я, пишетъ онъ Иннокентію въ 1842 году, хотя на этотъ счетъ вы мною избалованы. Харьковскіе жители вамъ преданы не менѣе кievскихъ, — я слышу это отъ всѣхъ пріѣзжихъ, и въ первый разъ позналъ чувства зависти, — только въ этомъ случаѣ это не смертельный грѣхъ. Я здѣсь одинъ, семейство мое въ С.-Петербургѣ, судьба меня бросила какъ корабль, который волны мчатъ сильно, порывисто, а берега невидимы. Да будетъ воля Всемогущаго! Молю, чтобы до конца я могъ выдержать свой девизъ: *lais se que doit, advenir que faussa*. Хотѣлось бы съ вами о многомъ переговорить, есть о

¹⁾ См. VIII, 56.

чемъ поповѣствовать. Нынѣшній годъ былъ богатъ началами, позгѣ будетъ конецъ. Царя мысли велики, чисты, сильны; но наши татары не поймутъ и сами въ петлю лѣзутъ. Пословица русская справедлива: громъ не грянетъ—мужикъ не перекрестится. Слово мужикъ можно бы переимѣнить» ¹⁾. «Съ невыразимымъ удовольствіемъ получилъ я письмо в. пр—ва, пишетъ Бибииковъ въ 1843 г. Радостно, пріятно мнѣ было получить привѣтъ вашъ, привѣтъ знакомый и дорогой по воспоминаніямъ, которыя навѣялъ онъ на мое воображеніе и напомнилъ о томъ незабвенномъ времени, когда мы вмѣстѣ здѣсь бесѣдовали. Отъ всего сердца, отъ всей души благодарю васъ и за поздравленіе и за вашу память обо мнѣ. Много, много хотѣлось бы поговорить — побесѣдовать съ вами. Скажу на ваши слова, что мы не забываемъ исторіи здѣшняго (т. е. кievскаго) края и принимаемся за разборку древностей его, для чего уже учреждена здѣсь комиссія въ Кіевѣ. Поручаю себя вашимъ архипастырскимъ молитвамъ, вашему дружественному благорасположенію и прошу васъ быть увѣреннымъ въ моемъ глубокомъ неизмѣнномъ къ вамъ почтеніи и безграничной преданности» ²⁾. «Зная васъ, любя и почитаю, мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы судили меня строже. Вашъ умъ и великія дарованія должны и могутъ исправить и просвѣтить пути каждаго» ³⁾. «Дорога мнѣ ваша память и ваше расположеніе ко мнѣ, и я отъ глубины души приношу вамъ мою живѣйшую благодарность» ⁴⁾. «Помню наши разговоры и благодарю Бога и Царя. Идите впередъ, и человѣчество не будетъ страдать» ⁵⁾.

Между прочимъ Бибииковъ горячо принималъ къ сердцу научныя занятія Иннокентія: по его просьбѣ онъ хлопочетъ въ С.-Петербургѣ объ отысканіи и доставкѣ ему оффиціальнымъ путемъ рѣдкихъ книгъ, необходимыхъ для тѣхъ занятій ⁶⁾, а также доставляетъ ему онѣя отъ себя непосредственно, прося принять ихъ въ даръ отъ него, взаимнѣ присланныхъ ему Иннокентіемъ его сочиненій ⁷⁾. Иннокентій знакомитъ его съ Погодинымъ, чему

¹⁾ См. VII, 57. Мы затрудняемъ сказать, о чемъ собственно говорить въ этихъ словахъ Бибииковъ.

²⁾ VIII, 58. 1843 г.

³⁾ VIII, 68.

⁴⁾ VIII, 65.

⁵⁾ VIII, 59. 1845 г.

⁶⁾ VIII, 56, 64.

⁷⁾ VIII, 60.

Бибиковъ былъ особенно радъ ¹⁾, изъ Харькова посылаетъ ему Палинодію Копыстенскаго ²⁾. Въ свою очередь Вибиковъ проситъ Иннокентія доставить ему всё тѣ акты, какіе имѣлись или извѣстны были уже Иннокентію, и общаетъ озаботиться отысканіемъ записокъ Петра Могилы, о существованіи которыхъ извѣщала Иннокентій ³⁾. Въ 1847 г. онъ посылаетъ Иннокентію плоды трудовъ комиссіи — 2-й томъ памятниковъ, ею изданныхъ ⁴⁾, при чемъ извѣщаетъ, что комиссія, собравъ значительное количество актовъ объ униі, предположила напечатать ихъ особымъ изданіемъ, на которое уже исходатайствовала отъ щедротъ Государя особое денежное пособіе.

Графъ Перовскій между прочимъ пишетъ Иннокентію: «напомнивъ мнѣ о тѣхъ счастливыхъ минутахъ, которыя проведены мною въ просвѣщенныхъ бесѣдахъ вашихъ, письмо ваше вмѣстѣ съ тѣмъ послужило мнѣ доказательствомъ, что вы, милостивѣйшій государь, и въ отдаленности сохраняете ко мнѣ чувства лестной для меня пріязни и расположенія. Позвольте увѣрить васъ, что столь же неизмѣнны и во мнѣ чувства глубокаго моего къ вамъ уваженія» (24 сент. 1850 г.) ⁵⁾. «Дозвольте мнѣ, пишетъ къ Иннокентію Блудовъ, еще разъ увѣрить васъ, что я умѣю вполне цѣнить ваши чувства ко мнѣ, и всегда съ особымъ удовольствіемъ вспоминаю о минутахъ, проведенныхъ мною въ пріятныхъ и поучительныхъ бесѣдахъ съ вашимъ высокопреосвященствомъ. Надѣюсь, что онѣ возобновятся прежде окончанія моей полупечальной полужизни (?) и близкой уже къ послѣдному акту драмы, которую называютъ жизнію» ⁶⁾. 10 января 1852 г. онъ же пишетъ: «спѣшу отвѣчать вамъ, чтобы выразить вамъ искреннюю душевную благодарность мою какъ за память вашу обо мнѣ, такъ и за изъявляемые вами чувства благорасположенія, — осмѣлюсь ли прибавить и дружбы? Не повторяя увѣреній, что умѣю вполне цѣнить ихъ, я воспользуюсь симъ случаемъ..., чтобы пожелать вамъ отъ сердца на сіе новое лѣто и многія другія послѣдующія всевозможныхъ благъ, особенно же того, что для

¹⁾ VIII, 57.

²⁾ VIII, 66. 58.

³⁾ VIII, 66.

⁴⁾ VIII, 67.

⁵⁾ VII, 380.

⁶⁾ VII, 406.

в. в—ва всего важнѣе и дороже—успѣховъ слова Божія, съ такимъ блескомъ и чувствомъ вами проповѣдуемаго. Мы теперь лишены счастья слышать его отъ васъ лицомъ къ лицу и даже не имѣемъ утѣшенія видѣть ваши прекрасныя рѣчи на письмѣ или въ печати; но продолжаемъ надѣяться, что вы не замедлите подарить насъ томомъ, хотя и не большимъ. бесѣдъ вашихъ съ новою паствою» ¹⁾. «Я имѣлъ честь получить письмо в. в—ва и къ особенному удовольствію своему нашелъ въ приложеніи къ нему три экземпляра словъ по случаю нашего иноплеменниковъ. Примите, владыко, дань моей живѣйшей искреннѣйшей благодарности за сей новый знакъ вашего ко мнѣ вниманія; примите также съ благосклонностію и выраженіе, весьма слабое, чувства благоговѣйнаго умиленія, съ коимъ мы читали и перечитывали сіи прекрасныя истинно-пастырскія рѣчи. Такія слова и всѣ дѣйствія в. в—ва въ настоящую годину искушеній принадлежать къ числу тѣхъ не многихъ явленій, которыя утѣшаютъ и ободряютъ душу даже въ самыхъ смутныхъ и тягостныхъ обстоятельствахъ, мира насъ съ человечествомъ. хотя и напоминая съ тѣмъ вмѣстѣ, что мы должны ожидать спасенія и земнаго отечества нашего не отъ однихъ земныхъ средствъ и усилій» ²⁾. «Не знаю, какъ выразить и какъ назвать то чувство, съ которымъ я и дочь моя Антонина читали и перечитывали слова ваши, нипеть Блудовъ отъ 21 ноября 1855 г. Славный Баркъ говорилъ, что о прерванной дружбѣ своей съ Фоксомъ онъ вспомнилъ съ грустнымъ удовольствіемъ, *with a melancholy pleasure*. Мы могли бы сказать тоже, переносясь мыслию къ мѣстамъ и обстоятельствамъ, въ коихъ многочисленныя слушатели, народъ и войска, внимали вашему вдохновенному краснорѣчію. И въ насъ также чувство прискорбія сливалось съ наслажденіемъ не только эстетическимъ, а и другимъ, еще высшимъ, когда мы вмѣстѣ съ вами согрѣты, если смѣю употребить сіе выраженіе, вашею пастырскою любовію, въ одно и тоже время и позволяли себѣ надѣяться, и смирялись предъ непостижимыми судьбами Провидѣнія. Исполнятся ли сіи надежды, увидимъ ли мы или хотя не мы, но Россія, ту благотворную измѣну десницы Вышняго, которую предвидѣлъ и предвѣщалъ царь-пророкъ? Это принадлежитъ также къ тайнамъ небснаго Промысла, но, по словамъ в. в—ва, не можемъ ли я не должны ли мы надѣяться потому именно, что будущее въ рукахъ

¹⁾ VII, 213.

²⁾ I, 108.

Божіихъ, а не человѣческихъ» ¹⁾. «Эти назидательныя и душеспасительныя слова (проповѣди Иннокентія), пишетъ П. Д. Биселевъ, будутъ навсегда для меня драгоценны, какъ память обо мнѣ многотимаго архипастыря и какъ одинъ изъ краснорѣчивыхъ памятникѣвъ славной брани, подъятой во имя креста (спасителя» ²⁾. «Изъ всѣхъ привѣтствій, пишетъ графъ Уваровъ Иннокентію, въ отвѣтъ на поздравленіе съ новымъ годомъ, при которыхъ мы обыкли встрѣчать годовое круговращеніе времени, какое могло бы мнѣ быть благопріятнѣе привѣта отъ архипастыря церкви, призывающаго на насъ благодать того, во свѣтъ котораго истинное просвѣщеніе? Нанутствуемый вашимъ архипастырскимъ благословеніемъ, съ упованіемъ вступаю въ новый годъ моего дѣланія въ вертоградъ народнаго образованія, и приношу благодарность за строки, коими вы меня порадовали» ³⁾. «Мы любимъ и почитаемъ васъ, пишетъ одинъ изъ Долгоруковыхъ, и какъ архипастыря, и какъ знаменитаго мужа, составляющаго честь, украшеніе и гордость Россіи, и какъ человѣка съ благороднѣйшей чистѣйшею душою. Оба мы (я и жена) остаемся на вѣки вамъ сердечно преданными, и самое пламенное желаніе наше состоитъ въ новомъ свиданіи съ вами, и въ возобновленіи нашихъ бесѣдъ, которыя навсегда неизгладимы въ нашей душѣ» ⁴⁾. «И какъ подумаешь, пишетъ онъ же въ другомъ письмѣ, что самый великій изъ русскихъ архипастырей, мужъ, какіе родятся вѣками, имѣеть пребываніе въ Одессѣ!» ⁵⁾. Князь Долгорукій, харьковскій губернаторъ, получивъ извѣстіе о назначеніи Иннокентія въ Харьковъ, пишетъ: «Извѣстные всѣмъ ученые труды и высокія пастырскія доблести вашего преосвященства не оставляютъ никакого сомнѣнія, что новое назначеніе ваше съ единодушною радостію принято будетъ всею Высочайшею вѣрною вамъ нынѣ паствою. Въ дѣлѣ общаго нашего служенія отечеству мнѣ особенно пріятно будетъ пользоваться совѣтами и назиданіями вашими, которыми я заранѣе прошу васъ не оставлять меня» ⁶⁾.

Замѣтимъ кратко: въ такомъ тонѣ и почти въ такихъ же или еще болѣе сочувственныхъ выраженіяхъ написаны всѣ письма къ Иннокентію. Въ эта многотысячная коллекція писемъ къ нему

¹⁾ VI, 174.

²⁾ VI, 176.

³⁾ VIII, 51.

⁴⁾ II, 28.

⁵⁾ VI, 14.

⁶⁾ VIII, 8.

есть не что иное, какъ сплошной непрерывный дифирамбъ его уму, его пастырской доблести, его многоплодному и благотворному влиянію на безчисленное множество людей самыхъ разнообразныхъ общественныхъ профессій, положеній и званій ¹⁾).

V.

Можно было опасаться новидимому, что при такомъ обиліи и многосторонности научныхъ и литературныхъ занятій и общественныхъ отношеній Иннокентій былъ плохой архіерей. Ничуть не бывало ²⁾). Между іерархами его времени послѣ Филарета, митрополита московскаго, мы не знаемъ, кто бы былъ такъ рачителенъ и дѣятеленъ въ области своихъ непосредственныхъ обязанностей. Во всѣхъ мѣстахъ его архіерейскаго служенія ему удалось значительно поднять своей энергіей умственный и нравственный уровень духовенства и отчасти его матеріальный бытъ. Въ продолженіе своего девятилѣтняго пребыванія въ Вологдѣ онъ успѣлъ объѣхать и осмотрѣть если не всю громадную территорію вологодской епархіи, то значительную часть ея и притомъ самыя глухіе ея закоулки, изучить ея нужды до послѣднихъ мелочей и сдѣлать массу соотвѣтственныхъ распоряженій, которыя приведены были въ исполненіе при немъ лишь отчасти ³⁾). Здѣсь же, какъ позже въ харьковской и херсонской епархіяхъ, онъ возстанов-

¹⁾ Весьма значительная часть этихъ писемъ, сама по себѣ независимо отъ біографіи Иннокентія, будетъ намъ напечатана, какъ драгоценный матеріалъ для исторіи русскаго общества за цѣлое двадцатипятилѣтіе и какъ характеристика авторовъ этихъ писемъ, личностей все болѣе или менѣ замѣчательныхъ.

²⁾ Слѣдъ Иннокентій въ письмѣ къ Г. П. Литке, приглашавшему его къ участию въ трудахъ вновь основаннаго географическаго общества, такъ опредѣляетъ значеніе своихъ научныхъ занятій въ обществѣ составъ своей дѣятельности: «посильное углубленіе въ отечественную исторію, особенно исторію русской церкви, и необходимо сопряженное съ тѣмъ изслѣдованіе о разныхъ видахъ древностей отечественныхъ, всегда принадлежало къ любимѣйшимъ занятіямъ моимъ въ часы досуга отъ дѣлъ званія, на мнѣ возлежащаго» (IV, 4).

³⁾ См. письма Нордова и Голховскаго, также Русск. Старину за 1879 г.

длѣя прішедшіе въ упадокъ монастыри (и-рь Θεοδοіа тот емскаго „настоящая лавра“, писалъ онъ Сербиновичу), считая ихъ необходимыми для духовнаго проевѣщенія народа, устраивалъ крестные ходы, возобновлялъ и строилъ вновь церкви и часовни, совмѣстно съ гражданскою администраціей и городскимъ обществомъ, въ которыхъ всегда умѣлъ возбудить самую живую симпатію ко всѣмъ своимъ начинаніямъ, устроилъ нѣсколько благотворительныхъ учрежденій. Тайна необычайнаго успѣха этихъ его предпріятій и быстроты осуществленія разнообразныхъ проектовъ, которые кишмя кишѣли въ его головѣ, заключалась въ томъ, что съ одной стороны онъ съ перваго же раза, прибывши въ свою епархіальную резиденцію, успѣвалъ сближаться до intimacy со всѣми мѣстными властями, начиная съ губернатора (въ Кіевѣ—съ Д. Г. Бибиковымъ, въ Вологдѣ—съ Волховскимъ, въ Харьковѣ—съ кня. Ю. Долгорукимъ, въ Одессѣ съ М. С. Воронцовымъ), и всѣхъ водушевлялъ силой своего авторитета и своей энергіи на дѣла общественной благотворительности и религіозно-церковнаго благоустройства. Вологодскій губернаторъ Волховской находился съ нимъ въ самой тѣсной дружбѣ, переписываясь съ нимъ до самой его кончины. Когда онъ былъ назначенъ въ Харьковъ, тамоншій губернаторъ князь Долгорукій привѣтствовалъ его еще до прибытія его въ Харьковъ какъ своего совѣтника и сотрудника по управленію краемъ. Чѣмъ онъ былъ для Д. Г. Бибикова въ бытность свою въ Кіевѣ и послѣ, а равно для князя М. С. Воронцова, знаменитаго устроителя Крыма и Кавказа, это мы видѣли выше. Въ своихъ подчиненныхъ Иннокентій всегда умѣлъ возбудить къ себѣ самую глубокую симпатію взаимнѣ того рабскаго страха и трепета, съ какииъ у насъ на Руси имѣли обыкновеніе относиться въ старое время къ архіерею,—своею крайнею простотою обхожденія съ ними и тою близостію, съ какою онъ держалъ всегда себя по отношенію къ священникамъ. Довольно сказать, что каждый священникъ, если хотѣлъ, не только имѣлъ право во всякое время являться къ нему лично, но могъ и писать къ нему о

своихъ дѣлахъ чрезъ почту или съ оказіей, вмѣсто того, чтобы по требованію начальства, бросая свой долгъ, хозяйство и дѣла пастырскаго служенія, тратя на путевыя издержки послѣдніе гроши, ѣхать самому въ резиденцію преосвященнаго за сотни верстъ. Когда однажды, въ бытность Иннокентія въ Одессѣ, одинъ сельскій священникъ изъ дальняго уѣзда, нѣсколько лѣтъ молчавшій о своихъ крайнихъ нуждахъ и стѣсненныхъ обстоятельствахъ, рѣшился наконецъ написать ему, Иннокентій положилъ на его письмо такую резолюцію: „Боже мой, да чего же вы молчали досель? Неужели у васъ не нашлось листа бумаги?“ Известно, какое роковое безапелляціонное значеніе имѣли въ старое время секретныя аттестаціи благочинныхъ въ формуларахъ. Иннокентій никогда не давалъ вѣры дурнымъ аттестаціямъ безъ опроса аттестованнаго и безъ разслѣдованія. Вслѣдствіе такихъ отношеній архипастыря къ духовенству, послѣднее всегда съ необычайной энергіей и добросовѣстностію трудилось по указанію и подъ руководствомъ его. Подобнымъ образомъ Иннокентій умѣлъ привязать къ себѣ и воодушевить энергіей къ исполненію своихъ обязанностей наставниковъ семинарій въ Вологдѣ, Харьковѣ и Одессѣ, не говоря о его сослуживцахъ въ кievской академіи, а равно въ воспитанникахъ ея: всѣ они сохраняли привязанность къ нему во всю свою жизнь. Самъ трудясь болѣе всѣхъ, онъ умѣлъ заставить трудиться своихъ подчиненныхъ, не столько словами власти, сколько вліяніемъ дружбы и знаками пріязни. Такъ въ Вологдѣ и Харьковѣ онъ устраивалъ разъ въ недѣлю въ своемъ архіерейскомъ домѣ вечера для наставниковъ семинарій и гимназій, на которыхъ почтенные педагоги въ научныхъ и литературныхъ бесѣдахъ отдыхали отъ своихъ трудовъ, проводя время въ залахъ архіерея какъ у себя дома. Можно сказать, что у Иннокентія никогда не было враговъ въ той средѣ, въ которой онъ пробылъ хотя нѣкоторое время. Но зато чѣмъ дольше онъ жилъ, тѣмъ болѣе и болѣе росло число его друзей-энтузіастовъ, до тѣхъ поръ, пока, подъ конецъ своей жизни, онъ не сдѣлался одною изъ са-

ныхъ популярныхъ и авторитетныхъ личностей по всей Россіи. Изъ пяти тысячъ слишкомъ писемъ въ нему разныхъ лицъ, со всей Россіи, которыя у насъ подъ руками, нѣтъ ни одного которое не было бы выраженіемъ самыхъ задушевныхъ сердечныхъ отношеній, а было бы сухимъ официально-холоднымъ.

Во время двукратнаго присутствованія Иннокентія въ св. синодѣ ему постоянно принадлежала одна изъ главныхъ ролей. Его кипучая энергія сообщалась его коллегамъ, а его замѣчательная находчивость давала ему возможность не будучи первенствующимъ въ синодѣ, давать направленіе ходу дѣлъ и ихъ рѣшенію. Иннокентій оба раза съ крайнею неохотою покидалъ свою епархію, для того, чтобы за двѣ тысячи верстъ ѣхать въ сѣверную столицу; но графъ Протасовъ, такъ настойчиво требовалъ его присутствія въ синодѣ, давая ему отсрочки и всевозможныя льготы, что ему не было возможности отказываться отъ пріѣзда въ С.-Петербургъ. Около двадцати архіереевъ, управлявшихъ епархіями, имѣли въ немъ въ это время своего оратора въ синодѣ, чрезъ него частнымъ образомъ достигая болѣе скорого и, когда слѣдовало, благопріятнаго для нихъ рѣшенія ихъ официальныхъ представленій. Лишь по общимъ церковнымъ вопросамъ голосъ отсутствующаго Филарета московскаго выслушивался иногда предпочтительно предъ мнѣніями Иннокентія и бралъ иногда перевѣсъ. Протопресвитеръ В. Б. Бажановъ былъ всегда его сторонникомъ въ синодѣ и горячимъ защитникомъ его мнѣній.

Наконецъ еще со времени своего ректорства Иннокентій—интимный совѣтникъ для всѣхъ трехъ оберъ-прокуроровъ синода, при которыхъ онъ проходилъ поприще своего служенія св. церкви. Письма оберъ-прокуроровъ: Нечаева, Протасова и гр. А. П. Толстаго, равно испр. должн. оберъ-прокурора Карасевскаго, а также Позняка, Войцеховича и особенно Сербиновича, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ по крайней мѣрѣ со времени своего архіепископства былъ душою нашего церковнаго правительства пѣлое десятилѣтіе.

Въ полуторачасовомъ чтеніи нѣтъ возможности, хотя бы то въ видѣ простаго перечня, исчерпать все богатство детальныхъ свѣденій о дѣятельности Иннокентія и объ исторіи его времени. Но мы считаемъ необходимымъ для полноты характеристики Иннокентія указать еще на одну черту въ его личности.

Нашъ знаменитый ораторъ былъ не только славянофилъ, но и филеллинъ. Его всегда возмущала вражда двухъ единовѣрныхъ національностей, жившихъ въ предѣлахъ турецкихъ. Защищая турецкихъ болгаръ противъ фанариотскаго духовенства въ Болгаріи, онъ въ Константинополѣ и свободной Греціи зорко слѣдилъ за ходомъ дѣлъ церковныхъ и политическихъ. Русскіе архимандриты и іеромонахи, состоявшіе при нашихъ миссіяхъ въ Аѳонахъ, Іерусалимѣ, Константинополѣ, особенно Антоній, Поликарпъ и Софонія, ученики его по кievской академіи, а также извѣстный своими письмами объ Аѳонѣ святогорецъ Серафимъ, сообщали ему довольно подробныя свѣденія о дѣлахъ на востокѣ, и Иннокентій, чрезъ греческихъ дипломатическихъ агентовъ у насъ — Зографа, Негри, Деліани и Метаксу съ одной стороны, и чрезъ русскихъ дипломатическихъ представителей на востокѣ (Вазили, В. И. Титова и др.) старался направлять ходъ дѣлъ церковныхъ, а по возможности и политическихъ въ духъ религіознаго единенія и мира между греками и славянами. Въ официальныхъ памятникахъ нашихъ дипломатическихъ и церковныхъ сношеній мы напрасно стали бы искать слѣдовъ вліянія на восточныя дѣла знаменитаго одесскаго архипастыря; но изъ частныхъ писемъ названныхъ лицъ къ Иннокентію это вліяніе открывается съ несомнѣнностію. Такимъ образомъ результатомъ его заботъ о примиреніи грековъ съ славянами было построеніе въ Константинополѣ, съ разрѣшенія султана и согласія константинопольскаго патріарха, княземъ Богоридесомъ болгарской церкви и возведеніе въ санъ епископа лаодикійскаго образованнаго славянскаго патріота Стефана Ковачевича, которому и назначено было состоять при этой церкви въ качествѣ официального представителя болгарской національности по дѣламъ ре-

лигіознымъ въ столицѣ турецкой имперіи. Въ бумагахъ Иннокентія сохранились документы ¹⁾, относящіеся къ этому назначенію и два адреса болгаръ преосв. Стефану, показывающіе, съ какимъ восторгомъ и надеждами встрѣчено было ими это назначеніе. По ходатайству Иннокентія, знаменитому греческому богослову и проповѣднику Константину Икономосу по Высочайшему повелѣнію дано было званіе члена конференціи с.-петербургской духовной академіи съ содержаніемъ въ 2000 рублей. Весьма любопытны также письма къ Иннокентію грѣкого Дулудави, Пантели, переводчика на греческій языкъ исторіи Карамзина, Попандопуло, переводчика на греческій языкъ богословія Макарія, аѣннскаго грека Вальянова, престарѣлаго греческаго митрополита Агаоангела (удалившася въ Одессу со времени убіенія въ Константинополь священномученика константинопольскаго патріарха Григорія) и его брата аѣннскаго профессора, знаменитаго историка, Типалдоса ²⁾. Иннокентій дѣлвлялъ и нянчалъ старца митрополита, ссужалъ крупныя суммы Типалдосу и чрезъ нихъ сносілся съ Греціей и Константинополемъ, гдѣ пользовался чрезвычайною популярностію, какъ это видно изъ писемъ Вальянова, и вліялъ чрезъ нихъ на греческую іерархію и особенно на молодое поколѣніе греческаго духовенства. Въ 1851 году греческій король прислалъ ему орденъ Спасителя 1-й степени „въ воздаяніе, какъ сказано въ рескриптѣ, денежныя пожертвованія, сдѣланныя имъ въ пользу греческихъ церквей ³⁾, и за назидательныя творенія, переведенныя на греческій языкъ“. Такимъ образомъ къ началу крымской войны Иннокентій отлично зналъ положеніе дѣлъ на востокѣ и повсемѣстное настроеніе умовъ среди грековъ и славянъ, а когда открылись

¹⁾ VI, 71, 74, 111.

²⁾ См. письма этихъ лицъ въ сборникъ по алфавитн. указателю

³⁾ Между прочимъ Иннокентій сдѣлалъ пожертвованіе на постройку въ Аѣннахъ храма св. Ирины, отстроеннаго въ память пятнадцатилѣтія освобожденія Греціи на сборные деньги. Государь императоръ Николай Павловичъ пожертвовалъ для этого храма великолѣпный иконостасъ. IV, 37.

военныя дѣйствія, прикомандированный въ русскому главнокомандующему „для сношеній съ болгарами“ по рекомендаціи Иннокентія его молодой въ то время другъ Н. Х. Палаузовъ съ большимъ успѣхомъ организовалъ содѣйствіе болгаръ русскому войску и формированіе дружинъ болгарскихъ и греческихъ волонтеровъ, начавъ свою дѣятельность съ водруженія креста и колоколовъ на начинской церкви, дотолѣ не выданныхъ и не слышанныхъ среди христіанскаго населенія Турціи. Въ бумагахъ Иннокентія сохранился рядъ донесеній ему Палаузова, изъ которыхъ видно, что послѣдній дѣйствовалъ во всемъ сообразно мыслямъ и даннымъ ему наставленіямъ Иннокентія. Донесенія эти оканчиваются съ отступленіемъ русскаго войска отъ Силистріи, послѣдовавшимъ, вслѣдствіе приказа вновь прибывшаго главнокомандующаго, Паскевича, по словамъ Палаузова, ни раньше, ни позже, какъ за два часа до несомнѣннаго ея взятія русскими. Они живо рисуютъ яркую картину виѣшняго состоянія и внутренняго настроенія нашихъ соплеменниковъ-страдальцевъ въ этотъ роковой моментъ ихъ исторіи, когда въ виду несомнѣннаго на ихъ взглядъ торжества русскаго оружія они готовы были возстать поголовно, и вдругъ, неожиданно, были брошены на произволь судьбы и своихъ вѣковыхъ угнетателей. Не менѣе любопытно и то обстоятельство, что еще до начала войны Иннокентій, чрезъ оберъ-прокурора св. синода, доводилъ до свѣденія государя императора Николая Павловича о желаніи какого-то греческаго митрополита (не Агаангела) сдѣлать секретно весьма важныя политическія сообщенія, но государь отклонилъ эти предложенія, написавъ на докладѣ оберъ-прокурора: „благодарить за усердіе, но теперь еще не время“ ¹⁾.

Заканчивая свою рѣчь, я позволю себѣ выразить увѣренность, что и этихъ немногихъ замѣчаній, которыя составляютъ плодъ лишь первоначальнаго ознакомленія съ матеріаломъ для біографіи Иннокентія, достаточно для того, чтобы признать личность Инно-

¹⁾ IV, 83.

кентія заслуживающею болѣе тщательнаго изученія. нежели какое существуетъ въ нашей литературѣ доселѣ, въ видѣ специальной и подробной біографіи, въ родѣ тѣхъ, какія существуютъ уже для нѣсколькихъ болѣе выдающихся историческихъ дѣятелей нашего отечества, въ числу которыхъ по всей справедливости долженъ быть отнесенъ и Иннокентій.

Николай Варсовъ.
